

Андрей Десницкий

40

вопросов

О БИБЛИИ

Азы православия

Андрей Десницкий

Сорок вопросов о Библии

ТД "Белый город"

2011

УДК 27-272
ББК 86.37

Десницкий А. С.

Сорок вопросов о Библии / А. С. Десницкий — ТД "Белый город", 2011 — (Азы православия)

В книге библеиста Андрея Десницкого вы найдете конкретные и понятные ответы на те вопросы, которые появляются при чтении библейского текста. Главная цель издания — помочь читателю открыть для себя удивительный мир Библии.

УДК 27-272

ББК 86.37

© Десницкий А. С., 2011
© ТД "Белый город", 2011

Содержание

От автора	7
1. Почему Библии бывают разными?	8
Откуда взялась Библия?	9
Библия – это канон	10
Библия – это перевод	11
Библия – это интерпретация текста	12
2. Что такое богодухновенность?	13
Бог и человек – соавторы	14
Как это получилось?	15
Авторство, авторитет, непогрешимость	17
3. Что такое библейский канон?	19
Канон – это образец	20
Чужие книги	21
Что же читать в Церкви?	22
Есть ли граница между Писанием и Преданием?	24
4. Как соотносятся Писание и Предание?	26
А что есть Предание?	27
Писание в центре Предания	29
Предание как понимание	30
5. Что такое апокрифы?	32
Книги на границе Библии	33
Ветхозаветные апокрифы	34
«Иное благовестие»	35
Сразу после Библии	37
6. Зачем христианину Ветхий Завет?	39
Сдаем пол-Библии в музей?	40
Ступени в небо	42
Закон как детоводитель	43
Мы выросли из Ветхого Завета?	44
Будьте святы!	45
7. Откуда в Библии разночтения?	46
А дошел ли до нас оригинал?	47
Копии с копий	49
Септуагинта и Масоретский текст	50
Новозаветные вариации	52
Разные взгляды на единый Лик	53
8. Противоречит ли Библия современной науке?	55
Наука и чудо	56
Язык описания и мировоззрение	58
А как это было на самом деле?	59
9. Достоверна ли Библия как исторический источник?	61
Объективность источника?	62
Археология как критерий подлинности?	63
Пробелы и несовпадения	65
Проблема чисел	66
10. Так говорит Библия – или ее толкователь?	68

«Ты читай, что написано!»	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Андрей Десницкий

Сорок вопросов о Библии

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви No
ИС 11-105-0393

От автора

Люди читают Библию – и это прекрасно. Впрочем, очень часто они ее не читают... но в любом случае они задают вопросы. Что это за книга, откуда она взялась, почему мы можем быть уверены, что она нас не обманывает? Как относиться к разным толкованиям, к нестыковкам в самом тексте, к его «альтернативным версиям»? Наконец, что это за странные слова, понятия, идеи встречаются на страницах библейских книг, что они означают и как воспринимать их нам сегодня?

Нет числа подобным вопросам, но я решил отобрать сорок из них и постараться на них ответить. Среди них нет ни одного вопроса «по Библии», о толковании того или иного трудного места. Такие вопросы тоже возникают, и я надеюсь когда-нибудь написать книгу и о них. Но в этой затрагиваются только такие, которые касаются Библии в целом или больших ее частей – потому они и называются «вопросы о Библии».

Книга обращена, как говорили раньше, «к массовому читателю». Здесь практически нет узкоспециальных терминов, редкие слова на древних языках приводятся в русской транскрипции, а понятия, которые известны не всем, разъясняются. Основу этой книги составили статьи, опубликованные в разных периодических изданиях: «Фома», «Нескучный сад», «Альфа и омега», «Христианос», и некоторые другие.

Часть статей вошла в почти неизменном виде, а часть была заметно переработана. Кое-что написано заново.

Библия цитируется, за редчайшими исключениями, в привычном нам Синодальном переводе. Ссылки даются по традиционной системе сокращенных обозначений, например:

Быт 1:2 – Бытие, 1-я глава, 2-й стих;

1 Цар 1:2, 3:4 – Первая книга Царств, 1-я глава, 2-й стих, и 3-я глава, 4-й стих;

Лк 1:2–4 – Евангелие от Луки, 1-я глава, стихи со 2-го по 4-й.

Отзывы о книге можно отправить по адресу: a. desnitsky@gmail. com.

1. Почему Библии бывают разными?

Какую Библию можно читать? Для простоты можно ответить: православным – ту, которая издана по благословию Патриарха. Но откуда же тогда взялись все остальные? Они что, все еретические, неправильные? И как относиться к изданиям Библии не на русском языке – они ведь тоже не одинаковы, о патриаршего благословения нет ни на одной? Да и вообще, разве у христиан не одна Библия? А если не одна, может ли оно быть Словом Божиим?

Откуда взялась Библия?

Слово «Библия» в переводе с древнегреческого означает «книги» (ср. слово «библиотека»), так что это не одна книга, а целое собрание книг. Их написали люди, как верят христиане, вдохновленные Святым Духом. А затем другие люди сохраняли и переписывали эти книги, потому что никакой оригинал не вечен, и определяли, какие из книг войдут в состав Священного Писания.

Библейские авторы жили в разных странах в разные времена и говорили на разных языках – древнееврейском и арамейском (Ветхий Завет) и древнегреческом (Новый Завет). Но дело не только в языке в строго лингвистическом смысле этого слова, язык культуры бывает не менее важен. Если бы Библия возникла в Японии, на ее страницах мы бы встретили цветущую сакуру и самурайские мечи, а если бы в Австралии – то бумеранги и кенгуру.

Назвали Библию Библией тоже люди. Книга может стать Священным Писанием только в общине верующих, которые признают ее авторитет, определяют ее канон (точный состав), истолковывают и, наконец, сохраняют ее. Христиане верят, что все это происходило под воздействием того же Святого Духа, Который побуждал писать авторов библейских книг. Точно так же Дух необходим нам и сегодня для верного понимания написанного. Но Дух не отменяет человеческой индивидуальности и свободы – скорее наоборот, он позволяет ей раскрыться в полноте. И значит, евангелист Марк писал совсем не так, как Иоанн, пророк Исайя – не так, как пророк Иеремия. Чтобы понять сказанное ими, нужно учитывать и личные особенности каждого из них, и то, что их объединяет.

В те времена не было ни печатного станка, ни Интернета и книги переписывались от руки, обычно на очень недолговечном материале – папирусе. Трудно поверить, но даже во времена апостолов не существовало таких привычных сегодня деталей книги, как оглавление, примечания, пунктуация или хотя бы пробелы между словами. Евреи, правда, делали пробелы между словами, зато они не обозначали на письме большинство гласных. Знаменитая фраза «казнить нельзя помиловать» – мелкое затруднение по сравнению с теми вопросами, которые могут возникать при толковании библейского текста.

Поэтому библейские рукописи далеко не одинаковы – собственно, всякий, кто когда-нибудь переписывал конспекты, знает, что в мире вообще не существует двух совершенно одинаковых рукописей. Оригиналы до нас не дошли, а в копии с копий неизбежно вкрадывались искажения и разночтения, а порой значение старых слов забывалось, и потом заботливый переписчик, стремясь исправить несуразности или неточности лежащего перед ним текста, уводил его еще дальше от оригинала.

Но тогда, может быть, вообще не существует никакой единой Библии, а есть только множество рукописей, в чем-то сходных, а в чем-то и отличающихся друг от друга? Так, пожалуй, и получилось бы в конце концов, если бы не было общины верующих, которые считают это собрание книг своим Священным Писанием, бережно передают его из поколения в поколение, занимаются его толкованием и изучением. То есть Библия – это прежде всего книга, рожденная в Церкви, хотя прочесть и постараться понять ее может каждый, вне зависимости от своих убеждений и вероисповедания.

Среди тысяч дошедших до нас библейских рукописей нет двух совершенно одинаковых, но можно только удивляться, что нет и таких, в которых мы нашли бы какие-то принципиально другие учения – например, что небо и землю сотворил не Единый Бог или что этот Бог разрешил убивать, красть и лжесвидетельствовать. Хотя греческая версия книги Есфирь на треть длиннее еврейской и в этой полной версии мы видим много дополнительных деталей, но это совершенно та же история.

Так что же это такое – Библия?

Библия – это канон

Во-первых, Библия – это *собрание* книг. Для христиан оно делится на две части: Ветхий и Новый Заветы. Слово, которое переводится как «завет», можно было бы перевести еще и как «договор». Действительно, речь в этих книгах идет о двух договорах, двух стадиях отношений Бога с людьми. Впрочем, иудеи не признают Нового Завета, потому их Библия, которую они еще иногда называют Танахом, включает только 39 книг.

Но христиане согласны с иудеями в том, что Завет, то есть договор, изначально был заключен Богом с народом Израиля при посредничестве Моисея на горе Синай. Книги Ветхого Завета повествуют о том, что предшествовало этому договору (сотворение мира, грехопадение первых людей, призвание Авраама и история его потомков); о том, как этот договор был заключен, и о том, как он воплощался в истории израильского народа. Все события из жизни этого народа понимаются в свете отношений Бога и Его народа, и только во вторую очередь они имеют политическое, социальное или экономическое значение.

Канон, или состав Ветхого Завета, у разных христианских общин не одинаков. Русская Православная Церковь признает 50 книг, примерно столько же (с минимальными отличиями) насчитывают другие православные и католики. Но еще со времен Реформации, когда западные христиане разделились на протестантов и католиков, протестанты не признают библейскими те книги, которые не вошли в иудейский канон, и называют их *апокрифическими* (другие названия – *второканонические* или *неканонические* книги). К их числу относятся, например, Премудрость Соломонова и книга Товит.

Новый Завет, заключенный Иисусом Христом, раздвинул границы избранного народа до всего человечества. Книги Нового Завета повествуют о рождении, жизни, учении, смерти и воскресении Иисуса Христа и о зарождении христианской Церкви – общины Его последователей. Во всех Церквях, кроме экзотической эфиопской, в Новом Завете насчитывают 27 книг. Это 4 Евангелия, то есть повествования о Христе, Деяния апостолов, то есть история зарождения Церкви, 21 Послание апостолов, наставлявших верующих и отвечавших на их вопросы о вере и жизни, и Откровение (по-гречески «апокалипсис») – страшная, но вместе с тем и радостная книга о конце света и конечной победе добра над злом. У эфиопов к ним добавились и некоторые апокрифы, то есть книги, повествующие примерно о тех же вещах, но не входящие у нас в состав Священного Писания (подробнее о каноне будет сказано в 3-й главе).

Библия – это перевод

Во-вторых, Библия, которую мы берем в руки, – это определенный *перевод*. Ветхий Завет был написан в основном на древнееврейском языке, а отдельные его части – на близкородственном ему арамейском. На этих языках говорили Иисус и Его первые ученики, но Новый Завет, как ни странно, от начала до конца написан на совершенно ином языке – древнегреческом. Дело в том, что в I в. н. э. в восточной части Римской империи греческий язык был языком межнационального общения, как русский в бывшем СССР. И потому с самого начала христианство оказалось, по выражению С.С. Аверинцева, «обречено на перевод». На родном языке Иисуса не сохранилось ни строчки, а Его последователи с самого начала предпочли не создавать особого «священного» языка и решили писать так, чтобы быть понятыми как можно большим числом читателей.

Следовательно, проповедь христианства в том или ином народе обычно начиналась с перевода избранных библейских книг. Не стали исключением и славяне, для которых Библию начали переводить святые Кирилл и Мефодий. Впрочем, языки со временем меняются, и потому постоянно возникает потребность в новых редакциях или совершенно новых переводах. Вплоть до XVIII в. славянский перевод постоянно уточнялся и исправлялся: вышедшие из обихода и непонятные слова заменялись новыми, существующие версии сравнивались с более авторитетными греческими рукописями. Славянская Библия, которую мы сегодня слышим в церкви, называется иногда Елизаветинской, т. к. свою окончательную форму она приобрела в царствование Елизаветы Петровны в 1751 г. Ее текст, конечно, уже заметно отличается от кирилло-мефодиевских переводов.

Но в XIX в. все более ощутимой стала потребность в русском переводе: даже многие образованные люди уже неохотно пользовались славянским языком, и Пушкин, к примеру, предпочитал читать Библию... по-французски. После долгих споров и сомнений и Церковь, и государственная власть согласились на создание такого перевода, и в 1870-е гг. в свет был выпущен перевод, который мы сегодня называем Синодальным и который мы в основном и используем.

Разумеется, на этом история переводов на русский язык не завершилась. В XX в. и в начале XXI было создано немало новых переводов на русский язык отдельных книг или даже всей Библии (или отдельно Нового Завета). Они очень разные, эти переводы: одни были выполнены учеными, тщательно исследовавшими все гипотезы о точном значении того или иного слова, другие – поэтами, которые стремились передать на своем родном языке всю красоту оригинала, а некоторые были сделаны на скорую руку случайными людьми – наверное, из лучших побуждений, но далеко не на должном уровне... Впрочем, и по сей день самым известным и читаемым остается Синодальный перевод.

Библия – самая переводимая книга в мире; даже Маркс и Ленин в советские времена не могли сравниться с ней по числу языков перевода. Тем не менее до сих пор остается немало языков, на которых нет полной Библии или хотя бы полного Нового Завета, и среди них – большинство языков, на которых говорят в Российской Федерации. Собственно, основная работа автора этих строк на протяжении последних десяти с лишним лет состояла как раз в том, чтобы помогать людям из этих народов создать свою национальную версию Библии.

Библия – это интерпретация текста

Если уж речь зашла о переводе, то тут придется вспомнить, что любой перевод делается с того или иного *варианта* текста. Например, в русских изданиях Синодального перевода можно встретить и краткую (с еврейского текста), и полную (с греческого) версию книги Есфирь. Краткая будет содержаться в протестантских, а полная – в православных изданиях, потому что протестанты стараются следовать еврейскому варианту, а православные – греческому. Точно такие же «сокращения» будут содержаться у протестантов в конце книги Даниила и в отдельных местах иных книг.

Наконец, любой перевод предполагает и определенную *интерпретацию* текста, поскольку смысл многих слов нам до конца неясен, а найти древнего грека или еврея, чтобы расспросить об этих словах, к сожалению, невозможно. Значит, нам приходится опираться на толкования наших предшественников, которые тоже не во всем согласны бывают меж собой, или даже предлагать самостоятельные догадки – конечно, при условии, что с нашей стороны это не пустые фантазии, а результат тщательного анализа. Такой анализ принято называть *экзегетическим*, само слово *экзегеза* в переводе с древнегреческого языка и означает «толкование».

В любом случае Библия, которую мы раскрываем, – это еще и звено многовековой *традиции*, а точнее, многих традиций. Одни из них уводят нас в седую ближневосточную древность или греко-римскую античность, другие – к средневековым переписчикам и толкователям, третьи – к нашим современникам, живущим во всех уголках мира и говорящим на множестве языков.

А пользоваться, на самом деле, можно любым изданием – просто надо понимать, что каждое из них отражает чье-то видение этого текста, которое может оказаться далеко не единственно возможным, а в каких-то случаях и ошибочным. Чтобы застраховать себя от ошибок, люди и прибегают к своего рода «знакам качества», вроде патриаршего благословения. Но Синодальное или любое другое издание, на котором такое благословение есть, – далеко не единственно правильный и возможный текст. Он, скажем так, достаточно надежен и хорош, чтобы им пользоваться, но могут существовать и другие издания, которые окажутся ничуть не хуже. С самого момента выхода Синодальной Библии в свет она соседствует на книжных полках с Библией церковнославянской; они различаются и по тексту, с которого делался перевод, и по интерпретации некоторых мест, но обе они приняты в Русской Православной Церкви. Не исключено, что в будущем такой же статус может получить и некий другой перевод...

Обо всем этом мы и поговорим дальше подробнее, чтобы читатель мог лучше разобраться в подобных вещах.

2. Что такое богодухновенность?

Когда христиан спрашивают, чем Библия отличается от всех других замечательных и мудрых книг, они начинают говорить о богодухновенности, имея в виду, что Библия написана не просто людьми, но по Божию вдохновению. Что на самом деле это означает? Откуда взялось само слово «богодухновенность»?

Бог и человек – соавторы

Понятие богодухновенности (иногда говорят «боговдохновенность», более на русский, чем на славянский лад) у христиан появилось еще до того, как у них сложился Новый Завет. О нем, как о чем-то само собой разумеющемся, говорили в своих посланиях апостолы: «...никого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою. Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Петр 1:20–21). «Всё Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим 3:16).

При этом сама Библия никак не раскрывает понятия богодухновенности и даже не дает нам списка богодухновенных книг. Кроме того, она может ссылаться на книги, которые заведомо в этот круг не входят. Например, Послание Иуды в 9-м стихе рассказывает о споре Ангела и сатаны. В Библии мы нигде ничего подобного не найдем – этот сюжет взят из текста под названием «Вознесение Моисея», который никогда и нигде не считался частью Священного Писания.

Так что если автором библейского текста мы называем Самого Бога, а текст – данным свыше Откровением, то вопросы здесь только начинаются. Библейские тексты не упали к нам с неба, они были написаны людьми (и мы даже не всегда знаем, кем именно) – так как же сочетается Божественное авторство с человеческим? Можно ли воспринимать библейский текст в его нынешнем виде как прямую и непосредственную передачу слов Бога?

Оказывается, представление о богодухновенности Библии было неодинаковым в разные времена и у разных авторов. Все отцы Церкви, которые касались этого вопроса, подчеркивали, что Бог действительно Автор Библии. Некоторые даже сравнивали человеческих авторов с музыкальными инструментами, на которых играл Бог, но, по-видимому, это было, скорее, риторическое преувеличение: в те времена слишком многие сомневались в Божественном происхождении Библии. Впрочем, в святоотеческой литературе мы встречаем указание на то, что авторы не утрачивали сознания и естественных способностей: они вовсе не были медиумами, в состоянии транса записывавшими весть свыше. Святитель Иоанн Златоуст особо подчеркивал, что такими медиумами могли быть только лжепророки, а истинные пророки не теряли своей индивидуальности, когда передавали людям Слово Божие.

В особенности значимым и ясным стало такое отношение христиан к истинному пророчеству во времена возникновения и распространения ислама. Для мусульман Коран существовал прежде сотворения мира и в свое время был буквально продиктован пророку Мухаммеду, слово в слово, без малейших отступлений от небесного оригинала. Но христиане относятся к своему Писанию иначе: если для мусульман воплотившееся в мире Слово Божие – это книга, то есть Коран, то для христиан это Богочеловек Иисус Христос, а Библия – книга, которая рассказывает о Нем и о множестве других личностей. Но первична не книга, а Тот, о Ком она говорит.

В любом случае для христиан принципиально важно одно: библейские книги написаны людьми, которых вдохновил Святой Дух.

Как это получилось?

В древней Церкви споров о «технологии» богодухновенности не было, они начались, по сути, в Западной Европе во времена Реформации в XVI в. В значительной мере это было связано с провозглашенным протестантами принципом *Sola Scriptura* (только Писание), согласно которому только Библия может служить источником вероучения (у православных и католиков огромную роль играет церковное Предание, о чем мы еще будем говорить в 4-й главе). Если считать так, то действительно крайне важным становится проведение четкой границы между Писанием и всем остальным. Поэтому основатели протестантизма М. Лютер и Ж. Кальвин, отталкиваясь от упомянутых выше апостольских цитат (2 Петр 1:20–21 и 2 Тим 3:16), повторили слова о библейских писателях как инструменте, на котором играл Дух. Их последователями в XVII–XVIII вв. была выработана целая теория такой буквальной диктовки свыше, которой мы, кстати, не найдем у раннехристианских авторов.

Одновременно появились и другие теории – например, что Дух передал библейским авторам лишь содержание Откровения, а они записали его своими словами. Такая теория отдает должное стилистическому разнообразию библейских книг: в самом деле, почему Дух диктовал Луке иначе, чем Матфею? Однако эта точка зрения была отвергнута основными столпами Реформации: «Святой Дух вдохновлял пророков и апостолов не только в том, что касается содержания и смысла Писания или значения слов, так что они могли по своей собственной воле облекать и украшать эти мысли своим собственным стилем и словами, но Святой Дух действительно поддерживал, вдохновлял и диктовал самые слова, всякое и каждое выражение по отдельности» – вот что утверждал в конце XVII в. протестантский богослов И. Квенштедт.

Интересно, что при этом статус такого продиктованного свыше текста Ветхого Завета присваивался именно еврейской (так называемой Масоретской) Библии, хотя она окончательно сложилась в иудейской среде уже после разделения иудаизма и христианства. Впрочем, само представление о буквальной диктовке свыше вполне соответствует традиционным иудейским взглядам: всё Пятикнижие (Тора) было непосредственно продиктовано Богом Моисею на горе Синай. Такая точка зрения была принята и католиками на Тридентском Соборе 1546 г.; но уже в 1870-м г. на I Ватиканском Соборе определение о «диктовке Святого Духа» было заменено на «вдохновение Святого Духа».

Среди православных, пожалуй, и не было таких активных споров о «технологии» богодухновенности, – вероятно, потому, что Писание воспринималось не как нечто, противостоящее Преданию, то есть опыту церковной жизни во всем его многообразии, а как центральная часть этого Предания. Таким образом, незачем было выстраивать стену, отделяющую одно от другого.

Во второй половине XIX – начале XX в. споры о природе богодухновенности приняли на Западе достаточно острый характер. С одной стороны, возникло, прежде всего в протестантской среде, либеральное направление, которое видело в Библии документ, практически не отличавшийся от любого другого исторического памятника, а в богодухновенности – всего лишь некий изначальный импульс, побудивший автора взяться за работу. Господь открывает людям некоторую Истину, а дальше они своими словами, как могут и умеют, записывают то, что им открылось.

Разумеется, при таком подходе Библия, по сути, не отличается от какого-нибудь гениального художественного произведения, в котором мы видим отсвет Откровения, – ведь любой поэт или художник может черпать свое вдохновение свыше. Как реакция на эту крайность в протестантизме возникло движение, настаивавшее на понимании Библии как буквально продиктованного Богом текста. Оно получило название *фундаментализма*, поскольку его сторонники последовательно отстаивали самый фундамент своей веры, каким они его видели.

Сегодня, конечно, крайне либеральных, равно как и фундаменталистских взглядов могут придерживаться не только протестанты, но и католики, и православные, и вообще любые верующие – вот почему нередко говорят о «православном» и любом другом, например, «исламском фундаментализме». Но изначально этот термин был связан именно с протестантизмом.

Впрочем, на Западе постепенно выработался средний, уравновешенный взгляд на вопрос о природе богодухновенности. Так, у католиков II Ватиканский Собор (1965 г.), утверждая безошибочность книг Писания в деле спасения, в то же время признавал человеческую ограниченность авторов библейских книг. Но еще задолго до того многие православные богословы настаивали именно на таком подходе: Библия писалась людьми, которые не были, в отличие от Бога, всеведущими. Они ничего не знали об Америке или об Австралии, о современной ядерной физике или о генетике; они описывали свой собственный мир. Сегодня у нас гораздо больше, чем у них, знаний в сфере естественных наук, но в деле богопознания мы по-прежнему остаемся их учениками.

Да и сами библейские авторы явственно выделяют в своем тексте Божественное и человеческое начала. В 5-й главе Исаяи или в 15-й главе Иеремии мы видим примеры диалога пророка и Бога, и таких примеров в Библии немало. Или возьмем вот эти слова апостола Павла: «Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия, дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя. Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю» (1 Кор 1:14–16). Совершенно очевидно, что это не глас с неба, а личный рассказ Павла; более того, он сначала думает, что крестил только Криспа и Гаия, потом вспоминает, что еще крестил Стефанов дом, и заканчивает признанием: он и сам точно не помнит, может быть, там был кто-то еще. Это слова человека, чья память несовершенна, а вовсе не всеведущего Бога.

В другом месте того же послания он ясно разделяет Божию заповедь и собственное мнение: «Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть

Ему верным» (1 Кор 7:25). То есть прямо предупреждает читателя: это уже я говорю, а не Господь. Но все эти детали не имеют никакого вероучительного значения, и потому нет оснований говорить, что Павел мог что-то «напутать» в самом своем богословии, – нет, он, безусловно, передавал людям Слово Божие, но делал это не механически, не теряя при этом индивидуальности.

Помимо прочего, всякий текст – не просто содержание, обернутое в какую-то подходящую форму, как подарок оборачивают в красивую бумагу, но единство формы и содержания. Если каким-то свойством, в частности богодухновенностью, обладает содержание, то невозможно сказать, что это никоим образом не касается формы. Иными словами, простых решений, которые бы «раскрывали механизм» богодухновенности, у нас нет, и они едва ли могут появиться в будущем.

Авторство, авторитет, непогрешимость

С вопросом о богодухновенности нередко путают вопрос об *авторстве* и об *авторитете* тех или иных библейских книг. К примеру, с древних времен возникали сомнения, что Послание к Евреям написано самим апостолом Павлом; его авторство отрицает и большинство современных ученых. Значит ли это, что они относятся к нему с неким недоверием, считают его вторичным, недостоверным? Вовсе нет. Библейские тексты считаются Священным Писанием не потому, что их написал особо уважаемый человек (для многих ветхозаветных книг мы просто не знаем автора), а потому, что община верующих, то есть Церковь, увидела в них адекватное отражение своей веры, и авторство здесь не играет главной роли.

В самом деле, в канон Нового Завета не было включено послание Павла к лаодикийцам, не говоря уже о Евангелиях, носивших имена апостолов Петра, Фомы и Иуды, но было включено Евангелие от Луки, который даже не был очевидцем описываемых им событий. Да и отношение к авторству в древности было совсем иным, чем сегодня. Псалтирь называется «Давидовой», а Притчи «Соломоновыми» потому, что они продолжают традицию, связанную с этими именами, но в Псалтири мы легко найдем псалмы, которые не мог написать Давид (например, 136-й, говорящий о вавилонском плене), а в Притчах – изречения других царей, даже не израильтян по происхождению (гл. 30–31).

Некоторые притчи Соломона вообще сохранили и записали «мужи Езекии, царя иудейского» (Притч 25:1) – люди, жившие спустя века после Соломона. Они не обладали авторитетом великого царя; может быть, они внесли что-то от себя, что-то напутали? Безусловно, нет. Если мы верим, что авторитет Писанию придает именно Церковь (в том числе и ветхозаветная Церковь, сообщество верных Богу сынов Израиля), то стоит говорить не о какой-то одной «диктовке», а о действии Святого Духа на всех этапах формирования этого текста. Библию написала, в конечном счете, Церковь, а не просто некоторое количество святых авторов.

И еще один очень важный, но отдельный вопрос связан с понятием богодухновенности – это вопрос о *буквальной непогрешимости* Писания. Если Библия – это Слово Божие, то она не содержит ошибок. Но значит ли это, что каждое ее утверждение необходимо понимать строго буквально? Вовсе нет.

К примеру, в Исх 7:17–25 описано, как вода в Ниле превратилась в кровь, но вряд ли анализ этой жидкости обнаружил бы в ней лейкоциты, эритроциты и т. д. Видимо, автор имел в виду, что вода приобрела неестественно красный цвет и сделалась непригодной для питья; такое понимание ничуть не подрывает авторитет Библии, но отдает должное человеческому языку, на котором написана книга. В конце концов, когда в советское время цвет красного флага нам объясняли кровью, пролитой борцами за коммунизм, никто, разумеется, не предполагал, что каждое конкретное полотнище вымачивают в крови.

В качестве другого примера можно привести притчи Христа из Евангелий. Он говорит о простых и повседневных вещах: о рыбной ловле, земледелии, домашнем быте. Но всем понятно, что на самом деле он не сообщает информацию о каких-то конкретных сеятелях, виноградарях или рыбаках, но с помощью этих историй до Своей аудитории некие важные духовные истины. Выяснить, где именно и когда именно сеял сеятель свои зерна, будет просто нелепо – конкретно такой случай, возможно, не происходил нигде и никогда, но нечто подобное происходит постоянно и повсеместно.

Это относительно простые случаи. Но вот о книге Ионы спорят много и подробно: это исторический рассказ о событиях, происшедших буквально так, как описано в книге, или же это поэтический вымысел, раскрывающий некие важные истины на примере придуманной истории? Свои доводы есть у каждой стороны, но приверженцы буквального прочтения книги

обычно делают упор на богодухновенность этого текста: если это Писание, то сказанное в нем следует понимать как можно ближе к буквальности.

У сторонников буквального понимания этой книги есть очень сильный аргумент: Христос говорил, что Иона провел три дня во чреве китовом, и ссылался на это как на факт (Мф 12:40). Но можно вспомнить и другой пример из той же самой главы. Христос говорит фарисеям: «Разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? Как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам?» (Мф 12:3–4). Он ссылается на историю, рассказанную в 21-й главе 1-й книги Царств: Давид, спасаясь от Саула, пришел к первосвященнику Ахимелеху и рассказал ему, что царь якобы отправил его выполнять срочное задание. Под этим предлогом Давид попросил у священника пищи, и тот согласился дать ему священные «хлебы предложения». Судя по рассказу Книги Царств, Давид был совсем один.

То есть на самом деле никаких «бывших с ним» не существовало, им просто неоткуда было взяться, а Христос ссылается здесь не на реальную историю, а на гипотетическую ситуацию: первосвященник, полагая, что с Давидом должен следовать целый отряд, дал разрешение воинам этого отряда есть священные хлебы при условии, что они ритуально чисты. Христос ссылается на это разрешение как на прецедент, потому что Ему важна в данном случае не фактическая точность рассказа Давида (ее как раз и не было), а сама позиция Ахимелеха: оказывается, в определенных ситуациях можно и даже нужно нарушать законы о ритуальной чистоте и святости.

Фундаменталисты видят в любом указании на подобные неточности текста подрыв авторитета Священного Писания. При этом они допускают возможную порчу текста в ходе его переписывания (так можно объяснить часть расхождений между библейскими книгами), но изначальный текст, по их мнению, был полностью свободен от ошибок, в том числе и в плане естественно-научных и исторических фактов. Следовательно, для наиболее последовательных фундаменталистов любые научные данные, противоречащие библейскому тексту, должны быть отвергнуты. Надо ли напоминать, что в свое время именно такие аргументы приводились против теории вращения Земли вокруг Солнца – ведь в Библии во многих местах ясно утверждается, что это Солнце вращается вокруг Земли!

Разумеется, такие аргументы нелепы. Люди того времени просто не знали того, что знаем мы, и описывали мир таким, каким они его видели. Кстати, мы до сих пор говорим: «Солнце встало», – хотя прекрасно знаем, что на самом деле это повернулась земля. Но человек, который скажет утром: «Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что в данное время в результате вращения Земли вокруг своей оси наша местность оказалась подвержена воздействию светового излучения солнца», – произведет очень странное впечатление. Куда проще сказать: «Солнце встало».

Итак, Библия удивительным образом сочетает в себе Слово Божие и некое человеческое начало, и одно непредставимо в ней без другого. Богодухновенность – это удивительное проникновение Духа Божиего в плоть человеческой истории и культуры, и это взаимодействие не прекратилось, когда последняя точка была поставлена в последней библейской книге. Дух продолжает жить в Церкви, открываясь нам в том числе и при чтении Писания, и таким образом мы сами включаемся в ту череду лиц, страниц и веков, в начале которой было Слово.

3. Что такое библеиский канон?

Библия стоит на книжной полке – ее можно взять в руки, посмотреть оглавление. Но оказывается, что в разных изданиях список книг, входящих в Библию, может быть не совсем одинаковым. Почему так? Да откуда вообще взялся этот список (его еще иногда называют каноном)? Что означает включение в этот список какой-либо книги?

Канон – это образец

Само по себе слово *канон* – греческого происхождения и означает «правило, мерило, образец». В Церкви оно употребляется довольно широко: так могут назвать, по сути, любую норму церковной жизни: иконописные каноны определяют правила иконописания, а каноническое право – юридические стороны внутрицерковной жизни. Когда мы говорим о библейском каноне, то имеем в виду список книг, составляющих Священное Писание.

Сегодня нам легко открыть Библию и посмотреть, что напечатано под ее обложкой, но так было далеко не всегда. До изобретения книгопечатания полная Библия вообще была большой редкостью: книги были исключительно дороги, да и при тогдашней технологии том получался очень большим и тяжелым. Поэтому переписывали в основном отдельные книги или сборники, необходимые для богослужения.

Например, старейшее на Руси Остромирово Евангелие (XI в., Новгород) – это вовсе не те четыре текста, которые мы привыкли видеть в современных изданиях Нового Завета, и даже не один из них, а богослужебный сборник Евангельских чтений на разные воскресные дни и праздники, начиная с Пасхи. Такие книги в средние века встречались чаще, чем привычные нам полные издания библейских текстов, поскольку потребность в них была больше. Действительно, в традиционном обществе Писание существовало прежде всего в контексте церковной жизни, а тех, кто обращался к нему «в часы досуга», было очень и очень немного, хотя бы из-за огромной стоимости книг. Примерно так же обстояли дела и в Палестине времен земной жизни Христа: единственный раз, когда мы видим Его со свитком Писания в руках, – это субботнее чтение пророка Исаии в синагоге.

Но было бы неверно считать, что в те времена к библейскому тексту обращались только отдельные знатоки. Нет, и простые люди, даже неграмотные, могли слышать Писание во время богослужения, в проповедях и беседах, охотно сами нередко цитировали его (зачастую неточно). Христос в Своих проповедях постоянно напоминает: «как написано; у них есть Закон и пророки». Это, конечно же, ссылки на Писание. Но Христос никогда не уточняет, какие книги в это Писание входят. Он разбирает множество других спорных вопросов, но только не этот. Таким образом, можно сделать вывод, что в Его времена никаких существенных разногласий по поводу состава Писания не было.

Так и апостолы, вступая в дискуссии с язычниками, или с первыми еретиками, или с не признававшими Христа иудеями, постоянно ссылаются на авторитет Писания – и нигде не определяют его границы. Более того, апостол Иуда Иаковлев в 9-м стихе своего Послания даже пересказывает сюжет из апокрифического «Вознесения Моисея», не входившего в состав Писания (подробнее о таких книгах будет сказано в 5-й главе), и это не единственный пример такой ссылки на неканоническую книгу. Оказывается, апостолы использовали в своей проповеди некоторые книги, не входящие сегодня в состав Писания.

Чужие книги

Итак, существовал ли во времена земной жизни Христа и первых Его учеников четко определенный канон? Судя по всему, нет. Люди читали одни и те же книги, но их авторитет, видимо, мог быть несколько различен: одно дело Закон, то есть Пятикнижие, на котором была основана вся жизнь общины, а другое – предание о вознесении Моисея, которое на центральном месте не будет стоять никогда.

В середине XX в. в пещерах около Мертвого моря, прежде всего в месте под названием Кумран, было найдено много рукописей, которые были туда спрятаны около 70 г. н. э., во время неудавшегося восстания евреев против римского господства. Книги в этом собрании были самые разные. В одной свитке могли быть и те псалмы, которые мы сегодня видим в Библии, и другие, не известные нам, но похожие на них. Разумеется, этого слишком мало, чтобы говорить о каком-то особом «кумранском каноне»: в конце концов, и в наши дни издаются сборники текстов и молитвословы, где канонические псалмы соседствуют с иными молитвами и гимнами. Да и сами обитатели Кумрана, скорее всего, стояли в стороне от основного направления иудаизма того времени, т. е. от фарисеев и саддукеев, так что их пример не очень показателен.

Когда же появился канон? Естественно, первым должен был возникнуть список книг Ветхого Завета. Иудейское предание, разделяемое и многими христианами, говорит, что это произошло сразу после возвращения израильтян из плена в V в. до н. э., во время деятельности книжника Ездры, но поверить в это довольно трудно: слишком много времени отделяет Ездру от первых перечней канонических книг. Кроме того, мы располагаем Септуагинтой, то есть греческим переводом Ветхого Завета, который начал создаваться в Александрии Египетской в III в. до н. э. В нее вошли книги, отсутствующие в современном еврейском каноне: Товит, Иудифь, Премудрость Соломона, Премудрость Иисуса, сына Сирахова, Маккавейские и др. (именно они сегодня присутствуют в православных и католических изданиях Библии, но отсутствуют в протестантских). Некоторые из них были написаны сразу по-гречески, но некоторые существовали и в еврейском оригинале – большая часть еврейского текста книги Иисуса, сына Сирахова была найдена уже в наше время.

Разумным представляется такой вывод: главные священные книги у евреев новозаветных времен были везде одинаковыми, но «дополнительный список» мог несколько различаться в разных общинах. Скажем, в Александрии читали книгу Товит, а в Палестине – нет. По-видимому, это всех устраивало, но только до конца I в. н. э. В это время Иерусалимский храм был разрушен, книги стали, по сути, самой главной святыней иудеев, а с другой стороны – произошел их окончательный разрыв с христианами. Пусть у тех и других был общий Закон и пророки, но христиане добавили к ним свои собственные священные книги, которые иудеи категорически отказывались признавать.

Судя по всему, именно по этим причинам на рубеже I–II вв. окончательно сформировался иудейский канон, а из всех существовавших вариантов текста был выбран один, который сегодня мы называем Масоретским. Насколько мы можем судить, он был самым распространенным в Палестине, но все же не единственным.

Иудеи разделяют Ветхий Завет на «Закон» (подревнееврейски «Тора»), «Пророков» («Невиим») и «Писания» («Кетувим»). Название всей Библии образовано первыми буквами названий этих трех частей: ТаНаХ (буква «к» из «Кетувим» в конце слова читается как «х»). При этом иудейское деление книг внутри канона не совпадает с христианским: к «Пророкам» причисляются и ранние исторические книги, а вот Даниила относят к «Писаниям», видимо, потому, что эта книга была написана, когда состав «Пророков» был уже полностью определен и добавить к нему новую книгу было нельзя.

Что же читать в Церкви?

Первые христиане, как нетрудно догадаться, к решениям раввинов отношения не имели, поэтому о христианском каноне Писания в I в. говорить еще рано. Собственно, желание составить свой список библейских книг появилось со временем точно по той же причине: стали возникать разнообразные секты и ереси, которые предлагали свои собственные священные книги, и от этих книг нужно было оградить верующих. Поэтому и пришлось составлять списки. Они встречаются в произведениях отцов Церкви, живших во II, III и IV вв. – Иустина Философа, Иринея Лионского, Климента Александрийского, Кирилла Иерусалимского и других. Есть и анонимный список книг, названный «Мураториевым канонем» (по фамилии человека, обнаружившего его уже в новое время), датированный концом II в. Этого уже достаточно, чтобы делать выводы, какие книги христиане почитали священными в самые первые века своей истории.

Но у всякого человека, который начнет сравнивать между собой эти списки, они вызовут скорее недоумение: почему они так заметно расходятся и почему сами отцы этих расхождений как будто не замечают? Было бы понятно, если бы один богослов заявил: «Я считаю послания Климента Римского частью Нового Завета», а второй бы ему ответил: «Нет, они ни в коем случае туда не входят, равно как и Откровение Иоанна Богослова» (именно такое разнообразие мнений мы находим в разных источниках). Но никаких споров не было, просто кто-то включал эти книги, а кто-то нет. Так, западные списки часто пропускали Послание к Евреям, не похожее на все остальные новозаветные Послания, а восточные – Откровение Иоанна Богослова, которое весьма непросто понять рядовому верующему.

Но во всех этих списках без исключения в новозаветной части мы найдем четыре известных нам Евангелия, книгу Деяний и почти все Послания Павла. В них могут отсутствовать Послание к Евреям, книга Откровения и часть Соборных посланий. Ориген уже в начале III в. перечислял эти четыре Евангелия, «которые только безоговорочно и принимаются в Церкви Божией». А в IV в. Кирилл Иерусалимский указывал: «В Новый Завет входят только четыре Евангелия, а остальные носят ложные названия и вредоносны. Манихеи написали Евангелие от Фомы, которое, пороча благости имени Евангелия, губит души простаков. Принимайте также Деяния двенадцати апостолов и с ними семь Соборных посланий: Иакова, Петра, Иоанна и Иуды; и как печать на всех них и последних трудах учеников, четырнадцать Посланий Павла».

В то же время в ранние списки могли включаться и некоторые другие тексты, сегодня не входящие в Новый Завет: Послания апостола Варнавы и Климента Римского, «Пастырь» Ерма, «Дидахе» (иначе называемое «Учение двенадцати апостолов») и Откровение Петра. В отношении Ветхого Завета тоже не было полного единства: одни предлагали краткий список, совпадающий с иудейским канонем, а другие – полный, включающий все или по крайней мере некоторые книги Септуагинты. Так что все расхождения никак не меняют общей картины: во что верили христиане, что рассказывали они о Боге и об Иисусе Христе.

По-видимому, отцы стремились не столько дать недвусмысленное правило на все времена, сколько указать своей пастве, какие книги стоит принимать как священные, а какие – нет. Например, в IV в. святитель Афанасий Александрийский в 39-м праздничном послании перечисляет книги «канонизованные» (это первое в христианской литературе упоминание о каноне как о перечне священных книг) и «не канонизованные, но предназначенные отцами для чтения». В первую категорию входят все книги еврейского канона, кроме Есфири, и 27 привычных нам книг Нового Завета; во вторую – Есфирь, Премудрость Соломона, Премудрость Сираха, Товит, Иудифь, а также примыкающие к новозаветному корпусу книги «Дидахе» и «Пастырь» Ерма. Все остальные книги, говорит святитель Афанасий, читать не следует, но списка этих ненужных книг не приводит. Значит ли это, что он отвергает, к примеру, Макка-

вейские книги? Не обязательно. Возможно, в данном месте и в данное время их просто не было в наличии, и поэтому говорить о них было ни к чему.

Кстати, среди рукописей Мертвого моря почему-то нет книги Есфири, единственной из всех библейских книг. Может быть, это просто случайность, а возможно, эта книга уже тогда смущала людей – слишком уж много в ней ненависти к врагам... Но мы можем строить об этом только предположения.

В результате всех этих рассуждений к IV–V в. все христианские общины согласились признавать в Новом Завете 27 книг, которые мы и сегодня найдем в любой Библии, кроме эфиопской. Эфиопы добавили к своему Новому Завету творения, связанные с именем Климента Римского (Послания и «Синод»), а также книги под названиями «Обетования» и «Дидаскалия». В части Ветхого Завета эфиопы тоже вполне оригинальны: они включают в него книги Юбилеев и Еноха, которые в остальном мире признаются апокрифическими. Эта особенность их церковной традиции свидетельствует о тех давних временах, когда библейский канон еще окончательно не сложился.

Есть ли граница между Писанием и Преданием?

Итак, Новый Завет практически у всех христиан содержит одни и те же 27 книг, но что касается Ветхого Завета, тут нет полного единства. Русская Православная Церковь признает 50 книг, примерно столько же (с минимальными отличиями) насчитывают другие православные и католики. Но протестанты

признают библейскими только те 39 книг, которые вошли в иудейский канон; можно сказать, что они его просто заимствовали.

Но почему сложилась такая ситуация с католиками и православными? Принято считать, что все самые важные решения принимались на Церковных Соборах. В связи с библейским каноном обычно вспоминают Лаодикийский Собор на Востоке (ок. 360 г.) и Третий Карфагенский на Западе (397 г.). Но на самом деле деяния этих Соборов далеки от окончательного разрешения всех вопросов.

Так, постановления Лаодикийского Собора дошли до нас в нескольких списках. Одни из них содержат 60-е, самое последнее, правило со списком библейских книг; другие завершаются 59-м. Это дало повод сомневаться в подлинности 60-го правила, которое перечисляет «книги, которые должно читать» – краткий список книг Ветхого Завета с добавлением книг Варуха и Послания Иеремии, и 26 книг Нового Завета, но без Откровения. 47-е правило Третьего Карфагенского Собора требует, чтобы «кроме канонических Писаний ничто не читалось в церкви под именем Божественных Писаний», и перечисляет знакомый нам полный список Ветхого Завета и 27 книг Нового.

Очень долгое время это разногласие никому не мешало. Когда в 691–692 гг. на Трулльском Соборе епископы занялись сведением воедино и кодификацией постановлений предшествующих Соборов, они подтвердили авторитетность и Лаодикийского, и Карфагенского Поместных Соборов, но не указали, какому списку книг нужно следовать. Но помимо этих двух Соборов, они ссылаются и на текст под названием «Апостольские постановления». В их 85-м (тоже последнем) правиле приводится список канонических книг, причем Новый Завет там представлен без Откровения, зато с двумя посланиями Климента Римского.

Возникает ощущение, что точный состав Библии отцы рассматривали далеко не в первую очередь и даже не особенно старались устранить явные расхождения: в подобном каноне просто не было особенной практической надобности. Правила Лаодикийского и Карфагенского Соборов не проводят никакой границы между истинными и еретическими книгами, а всего лишь определяют, какие книги могут читаться в церкви в качестве Писания. Если в одной церкви будут читать Откровение Иоанна Богослова, а в другой нет, в этом расхождении не будет ничего страшного, лишь бы место этой книги не заняло какое-нибудь еретическое сочинение.

Ожесточенные споры разгорелись на Западе уже в эпоху Реформации, и касались они лишь Ветхого Завета. Впрочем, это были споры не только о точном составе библейского канона, но и о его значении. Протестанты говорили при этом об исключительном авторитете Писания, принципиально отличающегося от всех остальных книг. Если так, то вопрос о том, что входит, а что не входит в Писание, становится действительно жизненно важным. Например, католические богословы в поддержку идеи чистилища (и вообще идеи о том, что земная Церковь может повлиять на посмертную участь ее членов) приводили рассказ 2-й Маккавейской книги (12, 39–45) о принесении Иудой Маккавеем очистительной жертвы за умерших братьев. Для католиков эта книга входит в состав Писания, а следовательно, молитва за умерших Библией предписана. Но, с точки зрения протестантов, эта книга не библейская, и даже если сама по себе она хороша и интересна, то утверждения ее автора не имеют вероучительного авторитета.

Православный мир не знал столь масштабных и принципиальных споров по поводу достоинства книг Товита, Иудифи и т. д. В результате сложилась ситуация, когда православные, следуя Лаодикийскому Собору, признают каноническими те же книги, что и протестанты, но включают в свои издания Библии и неканонические книги, как католики. Таким образом, библейский канон оказывается меньше самой Библии!

Но странным это может показаться только в контексте западной Реформации, а не на Востоке, где не ставилась задача отделить Писание от Предания. Православные богословы иногда изображают их в виде концентрических кругов: в самом центре находится Евангелие, далее – другие библейские книги (понятно, что Послания Павла для нас важнее, чем Левит), затем – определения Вселенских Соборов, творения отцов и другие элементы Предания. Не так уж важно, где именно заканчивается Писание и начинается Предание, куда именно отнести Макавейские книги или послания Климента Римского. Границы между истиной и ложью, между верой и суеверием, между церковностью и ересью гораздо важнее границ между Писанием и Преданием, которые, как и многое иное в Церкви, служат свидетельством «одного Духа и одних мыслей» (1 Кор 1:10).

4. Как соотносятся Писание и Предание?

Говоря о Библии, христиане называют ее Священным Писанием и ставят ее на самое первое место. Но всем очевидно, что жизнь христианских общин регулируется не только Библией. Православные, помимо Писания, говорят и о Священном Предании. Что же это такое и какова связь между этими двумя понятиями?

А что есть Предание?

Для начала зададимся вопросом: а как дошло до людей Писание? Принесли ли им Ангелы некую книгу? Нет, все было не совсем так. В жизни разных людей, начиная с Авраама, происходили разные события, которые они воспринимали как Откровение Божие и рассказывали своим детям и внукам. Потом часть этих рассказов была записана, к ним постепенно добавлялись другие. Но и то, что уже было записано, нуждалось в различных пояснениях: в конце концов, любая книга – это всего лишь буквы, и кто-то должен научить нас читать эти буквы и складывать из них слова.

Эти буквы содержат запись рассказов об Откровении, но сами они еще не есть Откровение, и более того, Откровение не ограничивается этими рассказами.

Очень упрощенно говоря, главные из записанных книг были названы Священным Писанием, а всё остальное – Преданием. Вопрос о соотношении Писания и Предания остается вечно актуальным; он по-разному трактуется в разных христианских деноминациях, к нему вновь и вновь приходится обращаться при решении практических проблем, возникающих в жизни Церкви.

В нашей стране этот вопрос можно часто услышать в диалогах между православными и протестантами: протестанты упрекают православных в том, что они заменили Писание множеством каких-то своих собственных придумок, которые в Библии не найдешь, и назвали их Преданием. Православные, наоборот, отвечают, что с древнейших времен христиане не опирались на одно Писание, как свидетельствует, к примеру, святой Василий Великий: «Из сохранных в Церкви догматов и проповеданий некоторые мы имеем от письменных наставлений, а некоторые приняли от апостольского предания... Например, кто Писанием учил, чтобы уповающие на имя Господа нашего Иисуса Христа знаменовались образом креста? К востоку обращаться в молитве какое Писание нас научило? Слова призывания при преложении Хлеба Евхаристии и Чаши благословения кто из святых оставил нам в Писании?.. Благословляем также и воду крещения, и елей помазания... – по какому Писанию? Не по Преданию ли, умалчиваемому и тайному?»

И тогда протестанты обычно восклицают: «Да где же оно, это ваше тайное Предание, покажите нам список книг, которые его содержат?» Но вот как отвечает на этот вопрос наш современник, игумен Петр (Мещеринов): «Церковь не имеет догматического богословского определения, некоей точной формулы, что есть Св. Предание. Нет в Церкви книги, озаглавленной “Св. Предание”... Православная Церковь очень свободна, в отличие, например, от Церкви латинской. Вот они всё определяют точно, всё формулируют, всё схоластически догматизируют и записывают в толстые катехизисы. У нас этого нет; в Православной Церкви точно фиксированы лишь очень немногие важнейшие вещи – только основы нашей религии; очень многое оставлено на свободу, на сам опыт жизни Церкви. В этом – глубочайшее уважение к человеку».

Значит ли это, что Предание – вообще всё, что угодно? Разумеется, нет. Его основу составляют решения Вселенских Соборов, сформулировавших важнейшие положения христианского богословия. Но эти положения не остались голой теорией, они нашли свое воплощение в богослужебных текстах, в иконописи, даже в храмовой архитектуре. Сама икона заняла в храме такое важное место только потому, что когда-то был принят догмат о сочетании Божественной и человеческой природ во Христе: изображается человеческий Лик, но он свидетельствует нам и о Боге. Наконец, многочисленные рассказы о жизни разных христианских общин и отдельных святых – тоже части Предания.

Для православных Предание – это, по сути, многовековой опыт жизни Церкви. Но если Писанием мы называем книгу вполне определенного содержания, то Предание просто невоз-

можно определить такими рамками, как невозможно ими определить, скажем, семейные традиции. Если я скажу постороннему человеку: «У нас в семье принято поступать так-то и так-то», он может меня спросить: «А где это записано?» И мне нечего, по сути, будет ему ответить. Мы просто живем так...

Писание в центре Предания

Как же Предание соотносится с Писанием? Нам сегодня это может показаться удивительным, но первые десятилетия Церковь жила даже без письменного Евангелия. Как отмечает евангелист Лука в самом начале своей книги, он взялся за этот труд именно потому, что уже существовало немало устных рассказов и свое Евангелие он записал «по тщательном исследовании всего сначала» (Лк 1:3).

Видимо, нечто подобное происходило и с Ветхим Заветом: не то чтобы Моисей, спустившись с Синайской горы, сел и написал сразу всё Пятикнижие, или Исайя, получив Откровение, немедленно создал свою книгу от первой до последней страницы. Такого мы нигде не найдем в самой Библии. Напротив, в ней встречаются ясные указания, что ее книги складывались постепенно. В Притчах Соломоновых, например, есть такой подзаголовок: «И это притчи Соломона, которые собрали мужи Езекии, царя Иудейского» (25:1). Но между Соломоном и Езекией прошло более двух столетий! Это как сборник стихов Ломоносова или Державина, впервые изданный лишь в наше время. То есть всё это время эти изречения Соломона существовали либо в устной форме, либо в виде каких-то отдельных документов, но они не входили в единую книгу Притчей.

Таким образом, можно сказать, что Писание постепенно возникло в глубине Предания. Но это совсем не значит, что между Писанием и Преданием не может быть никакого напряжения. В тех же Евангелиях мы не раз читаем о том, как Христос обличал книжников и фарисеев, подменявших Писание «преданиями старцев» и возлагавших на людей «бремена неудобноносимые». И такое, конечно же, может происходить не только тогда, но и в наши, и в любые другие времена: человеческие традиции становятся самодостаточными, порой они просто заслоняют собой всё остальное.

Именно поэтому на заре Реформации отцы протестантизма отказались видеть в Предании нечто равноценное Писанию. Им возражали католики: и Писание, и Предание должны быть источниками вероучения.

А для православных Писание – центральная и самая важная часть Предания, не отделяемая от всего остального. Впрочем, при этом надо отличать ту его часть, которая действительно стала достоянием всей Церкви и которую смело можно назвать Священным Преданием, от разных обычаев, пусть и полезных, но не имеющих общецерковного значения. На Карфагенском Соборе 257 г. один из епископов заметил: «Господь сказал: Я есмь Истина. Он не сказал: Я есмь обычай». Современный богослов, епископ Каллист Уэр, прокомментировал эти слова: «Есть разница между Преданием и традициями: многие унаследованные от прошлого традиции имеют человеческую и случайную природу. Это благочестивые (или неблагочестивые) мнения, но не истинная часть Предания – основания христианской вести».

Предание как понимание

Люди, приходящие в Церковь, сначала соприкасаются с самыми внешними ее слоями: «А вот наш батюшка говорит... а вот мне в храме сказали...» Это вполне естественно, но на этом никогда не надо останавливаться. Периферийные круги должны согласовываться с центральными: что говорит приходской священник, не так важно, как постановление Вселенского Собора, а важнее всего, разумеется, Евангелие. И если видишь противоречие между одним и другим, то... нет, не надо торопиться. Надо сначала задуматься.

Мы прекрасно осознаем дистанцию между нами и отцами Церкви, когда рассуждаем об их святости и о своей греховности. Но при этом многие люди говорят так, будто нет вообще никакой дистанции между их пониманием и тем, что говорили отцы, словно любое наше повторение сказанных ими слов автоматически создает духовное тождество между нами и ними. Мы можем повторять слова Писания или его авторитетнейших толкователей, но это еще не значит, что именно наше нынешнее понимание этих слов является самым правильным: нужно проникнуть в самую суть их аргументов, понять их позицию и разглядеть, насколько она применима к нашей собственной ситуации. Следование отцам не есть механическое повторение.

Впрочем, авторитетным богословам стараются следовать не только православные читатели Библии. Как вообще человек знакомится с Библией? Он в любом случае открывает ее не так, как открывают только что купленную в киоске книжку с абсолютно незнакомым названием. Нет, здесь любой читатель уже прекрасно представляет себе, вне зависимости от своих убеждений, что этот текст – Священное Писание христианской Церкви (а Ветхий Завет также иудейской общины), и всё, что прочтет, он будет так или иначе соотносить с этим своим предварительным знанием.

Если человек сам приходит к вере, он будет читать Библию по мере своего вхождения в общину верующих. У всякой общины есть свое вероучение, оно обязательно построено на Библии, установочные тексты (катехизисы, исповедания, литургические песнопения) постоянно цитируют или пересказывают ее. В результате человек, вступая в такую общину, в первую очередь знакомится не столько с самой Библией, которая пока для него слишком велика и сложна, а с упрощенным изложением вероучения, опирающимся на Библию.

Можно подумать, что это не относится к неверующим или к тем, кто, веруя в Бога, не принадлежит к определенной конфессии. Но это не так; свое мировоззрение есть у всякого. Один человек верит в буквальную истинность библейских чудес, другой – что чудес не бывает и все их описания суть вымысел или особый поэтический язык, но то или иное убеждение в любом случае берется им за основу, именно оно определяет, какими глазами человек смотрит на текст.

Как мы знаем, христианских конфессий много, а еще больше существует светских философий и мировоззрений, и даже внутри одной конфессии встречаются люди разных взглядов и направлений. Потому и не существует абсолютно объективного, научно доказанного толкования Библии, которое можно было бы уподобить таблице Менделеева или карте звездного неба. Если бы оно существовало, его давно приняли бы все здравомыслящие христиане, отвергнув всё, что с ним не согласуется. Но они продолжают спорить, и каждый уверен в своей правоте. Так было всегда: например, в III в. Киприан Карфагенский и римский папа Стефан спорили о том, действительно ли крещение, полученное у еретиков, – но оба они погибли мученической смертью, оба прославлены как святые. Кстати, вопрос о том, чье именно крещение бывает недействительным, вызывает много споров и сегодня.

В спорах между конфессиями каждая сторона ссылается на своих отцов – православные, к примеру, на Иоанна Златоуста, католики на Августина Гиппонского, а протестанты на Жана Кальвина или Мартина Лютера. В этом смысле можно сказать, что свое Предание есть и у

протестантов, пусть оно понимается несколько иначе и занимает более скромное место, чем у православных. Но ни один добросовестный баптист или адвентист не толкует Библию «с нуля», он стремится согласовать свои толкования с тем, что прежде него сказали братья по вере. Тот же Августин говорил: «Я не поверил бы Евангелию, если бы меня не побуждал к тому авторитет католической Церкви».

Впрочем, по многим важнейшим вопросам все христиане имеют одинаковую или очень близкую точку зрения, и даже то, что казалось спорным во время Реформации, сегодня могут так или иначе признавать практически все христиане. Например, Лютер провозглашал, что Писание понятно всякому человеку на внешнем, грамматическом уровне, но глубинное понимание духовных истин приходит только под действием Святого Духа. Это говорилось в ответ на утверждение католических богословов того времени, что простому человеку Библия недоступна (не забудем, что тогда католики совсем не поощряли ее чтение на народных языках, а только на латыни). Но сегодня, пожалуй, мало кто из традиционных христиан станет возражать против такого подхода. Впрочем, на практике отступления от этого принципа встречаются: одни полагают, что даже сам язык Писания есть нечто таинственное, недоступное человеческому разуму (мне доводилось слышать, что при чтении текста не так важно, понимаешь ли ты смысл, ибо тебя освящает само звучание); другие наивно ждут, что смысл Писания исчерпывающим образом сам собой открывается перед ними при первом прочтении.

Отцы помогают нам нащупать золотую середину, поэтому понятию «Священное Предание» можно дать и такое определение: это опыт прочтения Священного Писания наиболее опытными и духовно зрелыми нашими предшественниками и проистекающий отсюда опыт жизни по Писанию. Но в какой мере это их понимание, возникшее в давние века и в совершенно другой культурно-исторической обстановке, может быть полезным для нас сегодня? Это тема для отдельного разговора, и к ней мы еще вернемся в 12-й главе.

5. Что такое апокрифы?

Периодически можно слышать о сенсационных находках: новые «евангелия» и другие якобы неизвестные прежде тексты, возникшие на заре христианства, наконец-то расскажут нам всю правду... На самом деле ничего принципиально нового в этих находках нет; чаще всего речь идет о новых рукописях текстов, известных с давних времен под названием апокрифов. Но что такое апокрифы, откуда они взялись и как к ним относиться?

Книги на границе Библии

Сегодня, когда Библия выглядит как цельный том, ее читатели привыкли думать, что канон Библии всегда был определен, а граница между Писанием и всей остальной литературой была четко проведена и всем хорошо известна. На самом деле это далеко не так: когда пророк или евангелист начинал писать или проповедовать, он вовсе не ставил себе цели дополнить Библию еще одной книгой, нет, он сообщал людям то, что считал необходимым. И лишь затем община верующих – сначала древний Израиль, а затем христианская Церковь признавала его текст адекватным и точным изложением своей веры. При этом, конечно, всегда существовали лжепророки и лжеучители, творения которых община верующих отвергала.

Можно было бы подумать, что решающую роль здесь играло авторство текстов: скажем, Исайя или Павел – всем известные проповедники Истины, так что и книги, носящие их имена, будут признаны священными. Но это далеко не так: в каноне Писания на центральном месте стоят произведения Луки (Евангелие и Деяния), который не был даже свидетелем земной жизни Иисуса, а вот книга, которая называется «Евангелие от Петра», считается подложной. Ее явно не писал апостол Петр, которого мы знаем по двум новозаветным Посланиям – его имя было приписано к этому тексту, чтобы придать ему больше авторитетности. Такая ситуация типична для апокрифов.

Так что же тогда такое *апокриф*? По-гречески это слово значит «тайный, сокровенный». Апокриф лежит где-то на самой границе Писания, но всё же по ту сторону границы. Точнее сказать трудно, потому что граница – точнее, канон Ветхого Завета – неодинакова в разных традициях, и само слово «апокриф» употребляется в них по-разному.

В состав иудейских и протестантских изданий не входят некоторые книги (Маккавейские, Иудифи, Товита, Премудрости Соломона и др.) и значительные отрывки из других книг (прежде всего Есфири и Даниила), которые мы встретим в православных и католических изданиях. Такие книги протестанты обычно называют как раз апокрифическими, католики – второканоническими, а православные – неканоническими. Поэтому, если вы встретите английскую Bible with Apocrypha, это будет всего лишь означать, что в Ветхий Завет включены все эти книги и главы, но не более того.

У православных и католиков апокрифами принято называть другие книги, которые никогда и нигде не входили в состав Библии, например «Книгу Юбилеев» или «Хождение Богородицы по мукам». Теперь мы поговорим именно о таких книгах.

Ветхозаветные апокрифы

Что касается ветхозаветных апокрифов, то речь идет в основном о текстах, «дополняющих» Библию, их авторство часто приписывается библейским персонажам. Это «Книга Юбилеев», «Завещание двенадцати патриархов», «Книга Еноха», «Видение Исайи», «Псалмы Соломона» и некоторые другие тексты. Как правило, точное авторство и даже время написания этих текстов нам неизвестны, они доходят до нас в разных рукописных вариантах и в этом смысле не могут считаться источником, надежно излагающим взгляды какого-то определенного человека или группы людей. Но они, тем не менее, прекрасно показывают ту идейную и культурную среду, в которой возник Новый Завет (некоторые из них могли быть написаны вскоре после Нового Завета или одновременно с ним). Мы не знаем точно, кто и когда написал данную фразу из апокрифа, но мы можем быть уверены, что эти идеи, образы, понятия были достаточно широко распространены в иудаизме т. и. «межзаветного периода» (между Ветхим и Новым Заветами), иначе бы они просто не дошли до нас. В этом отношении они очень полезны и интересны.

Пожалуй, самая интересная часть ветхозаветных апокрифов – это толкования (по-еврейски «мидраши») на канонические библейские тексты. В дополнение к библейским повествованиям они предлагают множество подробностей, иногда совершенно фантастических, а иногда просто спорных. Вот, например, как описывает «Книга Юбилеев» жизнь первых людей в раю, говоря от лица Самого Бога: «Адам и жена его были в саду Едем семь лет, возделывая и храня его. И Мы дали ему занятие и научили его все видимое употреблять в дело, и он трудился. Он же был наг, не зная сего и не стыдясь. И он охранял сад от птиц, и зверей, и скота, и собирал плоды сада и ел, и сберегал остаток для себя и своей жены, и делал запас». Такой «сад Едем» больше напоминает дачные шесть соток, чем место вечного блаженства...

Другие апокрифы, например «Книга Еноха», наоборот, повествуют о самом конце земной истории, и это сближает их с Откровением Иоанна Богослова. Собственно, *откровение* (по-гречески «апокалипсис») о конце времен – весьма популярный в свое время жанр, но только одна из таких книг, как мы видим, вошла в Библию. Правда, элементы апокалиптических видений можно встретить и в пророческих, и в некоторых других книгах Писания. К этому жанру принадлежит и «Вознесение Моисея» – единственный апокрифический текст, чей сюжет явно пересказывается в Новом Завете (Иуд 9), хотя, конечно, его авторам были известны и многие иные апокрифические книги.

Есть и такие апокрифы, которые продолжают библейские традиции. Среди них мы найдем и пророческие книги («Завет двенадцати патриархов»), и даже псалмы: книга «Псалмов Соломоновых», по-видимому, единственный дошедший до нас сборник молитв самых первых иудеохристиан. Удивляться тому, что текст, созданный уже после пришествия Христа, носит имя царя, жившего почти за тысячу лет до Него, не приходится – такова особенность апокрифической литературы. Имя знаменитого пророка или героя, стоящее в заглавии книги, указывает не столько на ее авторство, сколько на ту духовную традицию, к которой принадлежит этот текст. Вдохновенные слова этих молитв мы могли бы повторить и сегодня:

Верен Господь воистину любящим Его, терпящим наказание Его, совершающим путь в праведности предписаний Его, по закону, какой дал Он нам для жизни нашей. Праведники Господни будут жить по нему вовек, рай Господень, дерева жизни – праведники Господни.

«Иное благовестие»

Немало апокрифов примыкает и к Новому Завету, но здесь ситуация уже совсем иная. Среди новозаветных апокрифов много книг, которые претендуют на свою равнозначность с книгами самого Нового Завета или даже на абсолютную истинность, но с самых давних времен Церковью они не признаются подлинными. Это, прежде всего, Евангелия от Петра, Фомы, Филиппа, Никодима, Иуды, Варнавы, Марии (Магдалины) – так сказать, «альтернативные версии» истории Иисуса из Назарета, которые приписываются различным персонажам Нового Завета, но явно не были ими написаны. В них, как правило, можно заметить идеологическую или богословскую конструкцию, которую такое Евангелие должно поддержать. Евангелие от Иуды излагает гностический взгляд на евангельские события, «Евангелие от Фомы» – манихейский, а Евангелие от Варнавы – мусульманский. Понятно, что такие тексты расходятся во многих принципиальных положениях с каноническими текстами Нового Завета: единственным верным учеником Иисуса вдруг оказывается Иуда Искариот (Евангелие от Иуды), или же Иисус категорически отказывается называться Сыном Божиим (Евангелие от Варнавы).

Такие тексты были известны с древнейших времен. Еще апостол Павел предупреждал о проповедниках «инога благовествования» (2 Кор 11:4, Гал 1: 7–8), не уточняя, правда, что конкретно имеется в виду. Но по его пылким словам, обращенным к разным общинам, мы можем предположить: речь шла о проповедниках, извращавших самые основы христианской веры о жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа.

Но откуда же мы знаем, что правы именно канонические Евангелия, а не эти? Сегодня каждая новая находка преподносится в прессе как сенсация: вот еще одна свежая, оригинальная версия, может быть, она истинна? Или, по крайней мере, равноправна? Действительно, в эпоху расцвета альтернативных историй и даже альтернативных этических систем в это так удобно верить...

На самом деле всё довольно просто. Канонические книги Нового Завета при всем своем разнообразии и порой незначительных расхождениях в мелочах едины в главном, а все «иные благовествования» рисуют нам собственные, категорически несовместимые друг с другом картины, зато каждая из них очень хорошо согласуется с определенным течением, соперничающим с христианством. Если право Евангелие от Иуды, то абсолютно неправ не только канонический Новый Завет, но и Евангелие от Варнавы, и наоборот. Кроме того, в том же Евангелии от Варнавы немало фактических ошибок, ясно указывающих, что его автор, в отличие от апостола Варнавы, никогда не бывал в Палестине. Например, в этом тексте Иисус с Марией, живя в Галилее, собирают маслины... в Гефсиманском саду, расположенном возле Иерусалима, за десятки километров от их родного дома!

Но самый главный принцип – принятие текста общиной верующих. В самых первых списках признанных Церковью книг, начиная со II века (о таких списках речь шла в 3-й главе), мы находим привычные нам четыре канонических Евангелия – и ни разу не встречаем ни одного другого. Они могут различаться в мелких деталях, но никаких сенсационных разоблачений из них вычитать невозможно. Для сравнения – первое известное нам упоминание текста под названием «Евангелие от Варнавы» относится к концу V века (римский папа Геласий говорил тогда о его подложности). А первая известная нам рукопись этого текста была найдена только в XVIII в, притом она была написана по-итальянски и датируется концом XVI в. Мы даже не знаем, тот ли это текст, который держал в руках Геласий – скорее всего, он был сочинен намного позднее и просто был назван именем апостола, что для апокрифов вполне обычно.

Иногда апокрифы восполняют «пробелы» канонических Евангелий. Ведь даже Деяния апостолов (20: 35) цитируют одно изречение, отсутствующее в Евангелиях: «блаженнее давать, нежели принимать». Наверняка в некоторых апокрифических книгах тоже содержатся какие-

то вполне достоверные детали. Но если эти книги в целом не отражают того образа Христа, который знаком Церкви, то трудно доверять им и в частности.

Канонические Евангелия, например, почти ничего не говорят о детстве Иисуса – только Лука рассказывает об одном эпизоде, когда родители потеряли Его в Иерусалиме, а потом нашли в храме (2: 41–51). Но неужели не интересно, что происходило с Ним от рождения до того момента, когда Он вышел на проповедь? Так возникает Евангелие детства, приписываемое апостолу Фоме.

Вот отрывки из него: «После этого он снова шел через поселение, и мальчик подбежал и толкнул его в плечо. Иисус рассердился и сказал ему: ты никуда не пойдешь дальше, и ребенок тотчас упал и умер... Учитель написал алфавит и долго спрашивал о нем. Но он не давал ответа. И Иисус сказал учителю: если ты истинный учитель и хорошо знаешь буквы, скажи мне, что такое альфа, и я скажу тебе, что такое бета. И учитель рассердился и ударил его по голове. И мальчик почувствовал боль и проклял его, и тот бездыханный упал на землю. А мальчик вернулся в дом Иосифа. И Иосиф был огорчен и сказал его матери: “Не пускай Его за дверь, ибо каждый, кто вызывает Его гнев, умирает”».

Похож ли такой персонаж на Того, Кто убеждал, а не наказывал, исцелял и воскрешал, не убивал, терпел побои, а не разил своих врагов? Скорее, тут перед нами злой могущественный колдун, который не терпит ни малейших возражений. Ничего удивительного, что Церковь не узнала *такого* Христа, и отвергала книгу как недостоверную.

Христиане всегда признавали, что, помимо их собственного Писания, существуют и другие тексты, почитаемые другими людьми. Таких текстов было немало в древности, продолжают их находить или сочинять и сегодня (тот же Дэн Браун с его «Кодом да Винчи»). Причем нередко оказывается, что новое сочинение повторяет старые идеи – так, сегодняшние теософы нередко берут на вооружение старинные трактаты гностиков. В конце концов, и в наше время люди продолжают записывать бывшие им «откровения» и присваивать им священный статус – именно так появилась в 1830 г. на свет «Книга Мормона», которую последователи этого учения включают в свое Священное Писание. Собственно, это их дело.

Христианам же принять такие книги наравне с каноническими невозможно, но и они на свой лад весьма полезны – они рассказывают нам об учениях, соперничавших с христианством как в самые первые века христианской Церкви, так и позднее.

Сразу после Библии

К апокрифам Нового Завета обычно причисляют и много других текстов, не противоречащих Библии, а дополняющих и расширяющих ее повествования. Это разнообразные рассказы о жизни, проповеди и мученической смерти апостолов (тех же самых Варнавы, Филиппа, Фомы) или послания к христианским общинам, в том числе приписываемые Павлу (Лаодикийцам и 3-е к Коринфянам; впрочем, они явно не принадлежат апостолу и составлены из Павловых цитат какими-то его последователями). Такие апокрифы вполне могут приниматься церковной традицией: например, о Богородице в Библии рассказано очень мало, так что церковное празднование Ее Рождества и Введения во храм, отчасти даже Благовещения основано на апокрифическом «Протоевангелии Иакова». Каноническим текстам это повествование не противоречит, так почему бы им не воспользоваться? Только не надо ставить его наравне со Священным Писанием.

Но особенно интересны, конечно же, тексты, написанные младшими современниками и учениками апостолов, – некоторые из них в древности даже иногда включали в Новый Завет. Их авторов часто называют «мужами апостольскими» – они были младшими современниками и учениками апостолов. Эти произведения заметно отличаются от собственно новозаветных текстов, но в то же время прекрасно показывают, как развивалась ранняя Церковь.

Например, в Новом Завете мы не встретим четкой церковной иерархии, которую знаем сегодня, там слово «епископ» практически синоним слова «пресвитер» (так сегодня называют священников). Можно порой услышать, что современная иерархия с епископом во главе сложилась достаточно поздно, в средние века. Но оказывается, что уже на рубеже I и II вв. н. э. антиохийский епископ Игнатий Богоносец в своих посланиях, особенно в «Послании к Ефессянам», подробно излагает учение о епископе как о главе местной христианской общины и руководителе пресвитеров: «Посему и вам надлежит согласоваться с мыслью епископа, что вы и делаете. И ваше знаменитое достойное Бога пресвитерство так согласно с епископом, как струны в цитре... Никто да не обольщается! Кто не внутри жертвенника, тот лишает себя хлеба Божьего. Если молитва двоих имеет великую силу, то сколько сильнее молитва епископа и целой Церкви?» То есть принцип «поместная Церковь существует только вокруг епископа, находящегося в общении с другими епископами» возник практически сразу после того, как в Новом Завете была поставлена последняя точка, это вовсе не средневековое изобретение.

Впрочем, в Новый Завет послания Игнатия, судя по всему, никогда и никем не включались. Зато в некоторых самых древних списках в него входили послания апостола Варнавы и римского епископа Климента, а также два очень важных свидетельства о жизни ранних христиан – книги под названиями «Дидахе» и «Пастырь Ерм». Их вполне можно считать новозаветными апокрифами.

Слово «Дидахе» означает «Учение», и полное название этого произведения – «Учение Господа через двенадцать апостолов народам». Это произведение начинается со слов: «Есть два пути: один – жизни и один – смерти». Далее идет изложение правил самого раннего периода жизни Церкви, из которого мы узнаем о Евхаристии, разных обрядах, молитвах, постах и обычаях первых христиан, о том, как строились взаимоотношения между разными общинами.

А «Пастырь», написанный римлянином по имени Ерм (иногда его имя пишут как Герма), был в древности, пожалуй, не менее популярен, чем канонические книги Нового Завета. Это перечень откровений, которые поведали Ерму прекрасная госпожа (символ Церкви) и Ангел в образе пастыря (то есть пастуха). Эта книга описывает жизнь римской христианской общины начала II в. от Р.Х., в период гонений, и дает множество наставлений всем христианам.

Вот что, например, передавала через Ерму всем христианам Госпожа-Церковь: «Послушайте меня, дети. Я воспитала вас в великой простоте, невинности и целомудрии, по мило-

сердию Господа, Который излил на вас правду, чтобы вы очистились от всякого беззакония и лжи, а вы не хотите отступить от неправд ваших... Живите в мире, заботьтесь друг о друге, поддерживайте себя взаимно и не пользуйтесь одними творениями Божиими, но щедро раздавайте нуждающимся... Тем теперь говорю, кто начальствует в Церкви и главенствует: не будьте подобны злодеям. Злодеи, по крайней мере, яд свой носят в сосудах, а вы отраву свою и яд держите в сердце; не хотите очистить сердец ваших и чистым сердцем сойтись в единомыслие, чтобы иметь милость от Великого Царя».

Можно только пожалеть, что в последующие века эти прекрасные и мудрые апокрифические книги как-то вышли из употребления. Внимание людей захватывали другие тексты, менее назидательные и более красочные, а порой и кровожадные – на Руси, например, был очень популярен апокриф под названием «Хождение Богородицы по мукам». В нем описывается, как Богородица сходит в ад, и Ей показывают страдания грешников, очень подробно и вполне телесно. Вот такой апокриф, пожалуй, читать не обязательно...

Апокрифы, даже признаваемые Церковью, не обладают абсолютным авторитетом Священного Писания. Это могут быть полезные, интересные и поучительные книги, а могут быть и книги откровенно ложные, еретические – но во всяком случае Церковь не считает их Словом Божиим. Это человеческое слово, которое много может рассказать нам об истории христианства и других религий, многому может научить, но подходить к нему, как и ко всякому человеческому слову, следует осторожно.

6. Зачем христианину Ветхий Завет?

Нередко можно услышать, что христиане, у которых есть Новый Завет, в Ветхом уже не нуждаются. Почему же тогда его продолжают печатать в изданиях Библии? Просто как некий памятник древности или у него есть свое место в Церкви и сегодня? Если да, то зачем он нам нужен?

Сдаем пол-Библии в музей?

И в самом деле, ветхую одежду или мебель обычно ведь не используют, заменяют на новую – разве не та же судьба постигла и Ветхий Завет? Первая часть Библии, как думают многие, «обветшала», утратила для нас значение. Дело не только в названии (славянское «ветхий» означает просто «старый, прежний»): прочитав Новый Завет и перейдя к Ветхому, человек нередко испытывает разочарование. И скучно бывает, и неактуально, но главное – слишком много на его страницах крови. В Новом Завете тоже не всё понятно и не всё интересно, но едва ли что-то настолько отталкивает читателя. Кто-то может подумать, что речь вообще идет о двух разных богах...

Подобную мысль высказывал один богослов II в. н. э., Маркион из Синопа. Он учил, что существуют два бога: жестокий Творец, о котором повествует Ветхий Завет, и милосердный Бог Любви, явленный в Новом. Между ними нет ничего общего: до Христа люди якобы не знали Бога Любви и поклонялись жестокому Творцу, по ошибке принимая его за высшее божество.

Что интересно, разногласия Маркиона с традиционным христианством на этом не кончались. Чтобы «развести» два Завета, Новый ему пришлось существенно сократить. Маркион оставил всего лишь одно Евангелие и 10 апостольских посланий, да и оттуда выкинул всё, что касалось телесности Христа, реальности Его земной жизни. Маркион исповедовал характерный для восточных религий *дуализм*: всякая материя, всякая телесность – зло, и нужно избавиться от нее ради духовного совершенства, поэтому и Христос только выглядел человеком, но был лишь бесплотным духом, слетевшим с небес, чтобы рассказать человечеству об Истинном Боге. Он не родился и не умер на земле, страдания на Кресте, после которых Он вознесся на небо, были лишь видимостью. По Маркиону, ученики Христа многое перепутали и записали неправильно (такую оговорку делает практически каждый, кто желает «отредактировать» Евангелие по своему вкусу).

Это учение было отвергнуто Церковью, его несостоятельность подробно, по пунктам разбирали практически все видные церковные писатели того времени. Действительно, такое «христианство» несовместимо с самыми основами веры Церкви. Зато оно отлично подходит гностикам и всяким около-христианским сектам, стремящимся использовать Библию в своих целях. Церковь, напротив, провозгласила и подтвердила не раз, что Священное Писание, состоящее из Ветхого и Нового Заветов, для нее нераздельно.

Отбросить Ветхий Завет – это значит отказаться от плоти, от человеческой природы Христа. Дело не только в том, что в Евангелии исполняются пророчества и намеки, которыми полон Ветхий Завет, так что значимым оказывается и место (рождение в Вифлееме), и время события (распятие перед Пасхой), и даже отдельные детали (римские солдаты не перебили голени Иисуса, как нельзя было ломать и костей пасхального агнца). Дело еще и в том, что история спасения для христианина начинается не с Рождества, а с момента грехопадения человека, когда возникает сама потребность в спасении. Ведь сначала нужно понять, от чего вообще нужно спасать человечество, почему оно оказалось отделено от Бога и поработано смерти. Об этом как раз и говорится в Ветхом Завете. Более того, его «кровавость» во многом объясняется тем, что это – честное и подробное повествование о *падшем* человечестве, а не святочный рассказ о чем-то милом, но совершенно нереальном. И если мы тоже будем честны, нам придется признать, что именно Ветхий Завет лучше, чем все остальные древние книги, сумел эту «кровавость» обуздать и ограничить.

Ни в одной из них человеку не говорили с такой поразительной простотой «не убивай, не кради, не прелюбодействуй». В самом деле, теперь люди, для которых убийство, воровство и прелюбодеяние до сих пор остаются делом доблести и чести, хотя бы стараются замаскировать

это свое отношение разными красивыми словами. В фильме «Апокалипто», повествующем об индейцах доколумбовой Америки, как раз и показано общество, где убить человека – то же, что зарезать кабана. А ведь когда-то так жило всё человечество.

Ступени в небо

Бог готовил человечество к пришествию Христа задолго до того, как оно состоялось. Опыт миссионеров, работавших среди диких племен Океании, показывает: пока не будут усвоены представления о Едином Боге и о данном Им законе, Евангелие проповедовать бесполезно. Можно ли говорить о любви к ближнему каннибалам, которые ближних любят так, что аж пальчики облизывают?

Впрочем, и без каннибализма в таких племенах случаются чудовищные вещи. Мне лично доводилось беседовать с человеком, проведшим 20 лет в Папуа— Новой Гвинее. Он рассказывал, что там процветал «культ карго» (от англ. cargo «груз»). Папуасы видели в материальных предметах, привезенных белыми людьми, высшую ценность и понимали проповедь о Христе сквозь призму этого культа. Услышав, к примеру, что последовавший за Христом получит в будущей жизни в сто раз больше, чем он отдал в этой, одно племя выбрало добровольца, распяло его на кресте (!), а в могилу положило инструменты, одежду и прочие припасы, чтобы, когда распятый воскреснет, получить вместо одного топора сразу сотню.

Нет никаких сомнений, что если бы не долгие века «подготовки к Евангелию», как называли этот процесс раннехристианские писатели, никакого другого отношения к проповеди Христа нельзя было бы и ожидать. Конечно, в эту подготовку входила и проповедь языческих мудрецов: философов, поэтов и законодателей, внушавших своим современникам представления о добре, справедливости и милосердии, но основную роль в ней играл всё же Ветхий Завет. В книге Бытия мы встречаем удивительный образ: Иакову снится лестница, по которой Ангелы сходили с неба на землю и поднимались обратно (Быт 28:12). В каком-то смысле Ветхий Завет – та самая лестница, по которой еще до воплощения Христа вестники Божией воли сходили к людям, чтобы те могли оторвать свой взор от земли, потянуться к чему-то высшему.

Мы, в конце концов, просто не поймем в Новом Завете почти ничего, если не обратимся к Ветхому. Главное его событие – крестная жертва Христа. Но что такое жертва? Зачем она нужна? Кто и по какому поводу ее приносит? Всё это можно понять только из Ветхого Завета (подробнее об этом пойдет речь в 21-й и 22-й главах). Он и в самом деле стал лестницей, по которой человечество (прежде всего избранный народ, Израиль) восходило на ту ступень, на которой только и можно было осмыслить Евангельскую весть. И главную роль в этом играл Закон.

Закон как детоводитель

«Милость и истина встретятся, правда и мир облобызаются» – такие слова мы читаем в Псалтири (Пс 84:11). Это отражение самой сути Ветхого Завета. С древнейших времен его толкователи подчеркивали, что в нем сочетаются два начала: милосердие и справедливость. Они необходимо дополняют друг друга: милосердие без справедливости вырождается в попустительство злу, а справедливость без милосердия – в беспощадную мстительность.

Поэтому Ветхий Завет сначала утверждает Закон, то есть определенные правила поведения и наказание за их нарушение, но провозглашает и милосердие к грешнику, этот Закон нарушающему. Еще в ветхозаветные времена евреи излагали суть Закона предельно кратко: «Люби Бога и своего ближнего, а всё остальное – только комментарий». Действительно, одна часть Закона подробно расписывала правила богослужения, а другая – излагала законы, которых люди должны были придерживаться в отношениях друг с другом.

Сами по себе эти правила могут показаться нам архаичными и мелочными, но в ту эпоху так никому не казалось. Когда Библию начинали переводить на язык одного африканского племени, его представителей, уже принявших христианство, спросили, с чего начать. Конечно, ожидался ответ «с Евангелия» или, по крайней мере, «с Бытия», но новообращенные заинтересовались в первую очередь Левитом – скучнейшей, с нашей точки зрения, книгой, где перечислялись всевозможные обрядовые установления. Племя привыкло жить в мире, где религиозные предписания (всевозможные табу) играют огромную роль, и новая вера означала для них прежде всего новую систему табу.

Ветхозаветные правила были вовсе не бессмысленны. Например, Господь повелел израильтянам совершать обрезание как знак их принадлежности Богу, знак завета, заключенного между Ним и Его народом. И только когда израильтяне привыкли к этому знаку, стали пренебрежительно называть своих соседей «необрезанными», стали возможны слова пророка: «Вот, приходят дни, говорит Господь, когда Я посету всех обрезанных и необрезанных: Египет и Иудею, и Едома и сыновей Аммоновых, и Моава и всех стригущих волосы на висках, обитающих в пустыне; ибо все эти народы необрезаны, а весь дом Израилев с необрезанным сердцем» (Иер 9:25–26) – именно на это место сошлется диакон Стефан (Деян 7:51). Что значит «обрезанное сердце»? Конечно, не о кардиохирургии идет речь, а о том, чтобы человек посвятил Богу не часть своего тела, но все мысли и чувства.

А позднее прозвучали и слова апостола Павла, отменяющие обязательность этого обычая для христиан: «Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием. Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание?» (Рим 2:25–26). То есть, если ты поступаешь по воле Божией, тебе не нужны никакие дополнительные знаки, а если нет – они тебе не помогут. Но если бы апостол Павел обратился так к людям времен Авраама, они услышали бы в них только полное безразличие, наплевать по отношению к Божией заповеди. Чтобы стать исключением, сначала надо освоить правило.

Так и избранному народу, чтобы прийти к новозаветной свободе, нужно было пройти своеобразную школу Закона, научиться и милости, и истине; не случайно тот же Павел называл Закон «детоводителем ко Христу» (Гал 3:24–25), то есть сравнивал его с рабом, который отводил ребенка в школу и забирал из нее (по-гречески именно он и назывался «педагог»). Всему самому главному должен был научить Христос, но до Его школы нужно было еще дойти.

Мы выросли из Ветхого Завета?

Но теперь-то, скажет читатель, теперь-то у нас есть Новый Завет, мы уже в школе, зачем нам «детоводитель»? Пусть он был нам когда-то нужен, но эти времена давно прошли. Однако не забудем, что этот самый раб еще и забирал ребенка из школы и отводил его домой. В самом деле, можем ли мы сказать, что мы полностью выросли из Ветхого Завета, преодолели его?

Во-первых, он – не просто древняя история, но Священная История (так часто и называют Библию), к которой мы постоянно обращаемся в наших молитвах и размышлениях. Некоторые знают, к примеру, что на утрени в православных храмах поется канон, состоящий из восьми или девяти песней. Но все ли помнят, что эти песни, кроме последней, привязаны к Ветхому Завету: песнь израильтян после перехода через море, песнь трех отроков в печи вавилонской и т. д.? Какой бы праздник ни отмечала Церковь, она вновь и вновь обращается к этим событиям из жизни древнего Израиля, они не утрачивают для нее своей актуальности.

Конечно, ритуальные предписания Ветхого Завета христиане сегодня не соблюдают (в протестантизме, впрочем, есть исключения вроде адвентистов): они не хранят субботы, едят свинину и не приносят жертв. Но все без исключения христиане призваны следовать в своей жизни тем принципам, которые заложены в этих предписаниях: уделять часть своего времени молитве и священному покою, остерегаться всякой нечистоты, наконец, жертвовать Богу и ближнему если не своих баранов, то свои силы, время, средства, дарования.

А что сказать о Законе с точки зрения морали? Можем ли мы с чистым сердцем утверждать, что превзошли ветхозаветные нормы? Вовсе нет. Я был бы очень рад, если бы наши чиновники неукоснительно применяли на деле такой замечательный ветхозаветный принцип, как равенство всех и каждого перед законом, независимо от занимаемой должности и влиятельных друзей.

Или возьмем знаменитый принцип «око за око, зуб за зуб» (Лев 24:20). На первый взгляд, он призывает бесчеловечно калечить преступников, но на самом деле ограничивает возмездие: ты не можешь причинить обидчику большее зло, чем он нанес тебе. Как было бы хорошо, если бы в международных отношениях все страны руководствовались этим принципом!

Сам Христос постоянно подчеркивал, что пришел не нарушить, а исполнить Закон. В самом деле, принципиально новое в Новом Завете – это весть о чуде боговоплощения, о Христе. А многое из того, что мы обычно относим к Его проповеди, уже прозвучало в Ветхом: это и призыв «люби ближнего, как самого себя» (Лев 19:18), и даже обращение к Богу как к Единственному Отцу (Ис 63:16). Просто там эти изречения несколько теряются среди множества подробностей и деталей, а Христос приводит их с особой силой, сжато, выразительно, а главное – подает совершенный пример исполнения этих слов. В столкновениях с книжниками и фарисеями Он отрицает вовсе не Ветхий Завет, а неверное, приземленное его понимание и агрессивное навязывание таких стереотипов всем остальным.

Будьте святы!

Помимо всего прочего, призывы Нового Завета обращены прежде всего к отдельной личности, а Закон Ветхого Завета – к коллективу. «Подставь другую щеку» – это прекрасно и высоко, но это можно исполнить только в отношении себя самого. Государство не вправе подставлять щеки своих сограждан преступникам, оно обязано их наказывать, и в том, как это делать, оно вполне может руководствоваться принципами Ветхого Завета. Именно на нем и основывается множество норм современного права и просто обычаев. Откуда, интересно, взялись наши еженедельные выходные? Никому и в голову не приходило их устраивать, пока не появилась заповедь о субботе.

А для отдельного человека Ветхий Завет – тот предел, ниже которого нельзя опускаться. Новый Завет ставит очень высокие идеалы, говоря: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:18). По сути, это значит: станьте подобны Богу! Но и в Ветхом было сказано: «будьте святы, потому что Я свят» (Лев 11:45).

Обратим внимание на эту разницу. Евангелие подсказывает нам, что нет предела совершенству, Левит дает достаточно высокое, но выполнимое задание. Ведь святость в Ветхом Завете не есть некая очень высокая ступень личной праведности, но, скорее, обособленность, непричастность мирскому, избранность для Бога. «Будьте Моим народом!» – призывает Бог израильтян и подробно объясняет, как этого достичь.

Именно поэтому очень многие места Ветхого Завета не утратили своей актуальности и сегодня. Псалтирь в православном храме звучит чаще Евангелия, ведь всё богослужение буквально пронизано цитатами из псалмов. В самом деле, какая еще книга так полно и многообразно передает напряженный диалог человеческой души с Богом?

Евангелие дает нам абсолютные ценности, но мало говорит о повседневном. Зато книги Премудрости (например, Притчи) дают множество наставлений для практической жизни. Конечно, многое изменилось в нашем быту с тех пор, как эти слова были написаны, но основные принципы, стоящие за ними, непреложны.

Наконец, именно в Ветхом Завете мы встречаем множество живых образов, близких нашему собственному жизненному опыту. Мы возмущаемся несправедливостью мира вместе с Иовом, мы торжествуем вместе с Давидом, мы плачем с Иеремией и вместе с Исайей ожидаем нового неба и новой земли. Нам есть с кого брать пример и в Ветхом Завете.

Маркион был прав в одном: если выбрасывать на помойку Ветхий Завет, то и от Нового мало что останется. Христос окажется бестелесным призраком вне времени и пространства. Нет, ветхозаветные праотцы и пророки – не просто череда фигур из древней истории, но наша собственная история, которая берет свой исток в седой древности, но сбывается здесь и сейчас. Мы в одной с ними Церкви.

7. Откуда в Библии разночтения?

Открывая разные переводы, а порой и разные книги Библии в одном и том же переводе, люди видят расхождения между текстами. Почему здесь написано так, а тут – иначе? Чтобы прокомментировать конкретные места, приходится обращаться к комментариям и справочникам, но откуда они вообще взялись, эти разночтения в Библии? Не означает ли само их существование, что подлинный, оригинальный текст Писания уже утрачен и у нас есть только поздние, искаженные копии?

А дошел ли до нас оригинал?

Оригиналы библейских книг, то есть рукописи, выполненные собственноручно пророком Моисеем или апостолом Павлом, до нас, конечно же, не дошли. Материалом для письма в их времена служил папирус – широкие длинные листы, сделанные из стеблей растения, распространённого в дельте Нила и некоторых других заболоченных местах Ближнего Востока, или, гораздо реже, пергамен – особым образом выделанная кожа животных. Но пергамен был слишком дорог, а папирус слишком недолговечен – редко какая папирусная книга сохранилась дольше полувека.

И это касается не только библейских, а вообще любых древних рукописей. Точно так же до нас не дошли оригиналы Гомера, или Вергилия, или любого другого античного автора. Сегодня мы читаем их произведения только потому, что в свое время они были многократно переписаны, нам в руки попадают уже в основном копии, созданные в специальных скрипториях при средневековых монастырях (книга У. Эко «Имя Розы» и снятый по ней фильм изображают именно такой монастырь); гораздо реже встречаются копии, созданные непосредственно в античные времена.

По сути, все дошедшие до нас оригинальные древние рукописи – это обрывки частной переписки и деловых бумаг, выброшенных когда-то на египетские помойки (только в Египте сухой климат позволял им сохраниться), да надписи на твердых поверхностях (глиняных табличках, черепках, камне). А что касается литературных произведений, то первые известные нам списки поэм Гомера отстоят от смерти их создателя не менее чем на полтысячелетия. Рукописей «Илиады», самого читаемого и чтимого в Древней Греции произведения, до нас дошло немногим более шестисот, трагедий Еврипида – около трехсот, а шесть первых книг «Анналов» римского историка Тацита вообще сохранились в одном-единственном списке IX в. Однако никто из здравомыслящих исследователей (о «новой хронологии» мы сейчас говорить не будем) на этом основании не утверждает, что Гомера «испортили» его почитатели или что Тацита на самом деле сфабриковали средневековые монахи.

Для сравнения: сегодня известно более пяти тысяч рукописей, содержащих те или иные части Нового Завета. Самые ранние из них были сделаны на папирусах в Египте в начале II в. н. э., всего несколько десятилетий спустя после смерти апостолов.

Они, в частности, содержат отрывки из Евангелия от Иоанна, написанного в самом конце I в. н. э. – возможно, их создатель копировал непосредственно апостольский оригинал.

Но откуда, собственно, известно, что та или иная рукопись действительно содержит оригинальный древний текст, будь то гомеровские поэмы или Библия? В наше время подделку довольно легко обнаружить по самым разным критериям. Подлинный возраст рукописи сравнительно легко определить по составу писчего материала и чернил и по манере письма. А что касается содержания, то всегда можно сравнить эту рукопись с другими и так определить, насколько она совпадает с другими: подделкой могут оказаться несколько манускриптов, но не сотня и не тысяча. Рукописи изучаются и сопоставляются – что касается Нового Завета, то этим занимается целый научный институт в германском городе Мюнстере.

Но даже в тех случаях, когда древний текст дошел до нас в одной-двух копиях, можно подтвердить или отвергнуть его подлинность на основании многих данных. Не путается ли автор в исторических деталях того периода, который описывает? Хорошо ли он знаком с географией места, где развивается действие? На каком языке он пишет, какие слова использует? Подтверждаются ли его свидетельства независимыми источниками? Цитируется ли его книга другими авторами, известна ли она читателям более позднего времени? В средние века люди очень мало знали о древнем мире и о далеких землях, так что любые попытки сфабриковать древний документ бывают сегодня отлично видны.

В пяти тысячах дошедших до нас новозаветных рукописей встречаются некоторые различия, но никакой иной Вести, кроме евангельской, мы в них не увидим. Ни в одной из них не написано, что Иисус не был сыном Божиим или не умер на Кресте. Если все это – результат деятельности какой-то огромной банды фальсификаторов, работавших по всему Средиземноморью не позднее начала II в. н. э., то, очевидно, в этом мире вообще невозможно создать никакую правдоподобную историю.

Копии с копий

Итак, хотя оригинальные рукописи библейских книг до нас не дошли, мы вполне можем утверждать, что до нас в более поздних копиях дошел оригинальный текст. Но если это так, почему копии не свободны от разночтений? В те времена не было ни печатного станка, ни компьютера и книги переписывались от руки. В 1-й главе уже говорилось, что в библейские времена в греческих текстах отсутствовали даже пробелы между словами, а в еврейских и вовсе не обозначалось большинство гласных.

Поэтому при переписывании в текст неизбежно вкрадывались искажения и разночтения, а порой когда древний текст был переписчику неясен, он, стремясь прояснить его, уходил еще дальше от оригинала. Искажениями при переписывании рукописей проще всего объяснить, например, заметные расхождения в цифрах, полученных при переписи израильтян (ср. 2 Цар 24:9 и 1 Пар 21:5).

Среди тысяч дошедших до нас библейских рукописей (равно как и рукописей других древних текстов) нет двух совершенно одинаковых. Но среди них всё-таки нет и таких, в которых утверждалось бы, например, что можно убивать, красть и лжесвидетельствовать. Это уже в новое время, после Гуттенберга, английские печатники в издании 1631 г. в заповеди «не прелюбодействуй» пропустили слово «не» (то ли по небрежности, то ли по категорическому несогласию с этой заповедью), за что и были оштрафованы архиепископом Кентерберийским на астрономическую по тем временам сумму в 300 фунтов. Ну, а в наше время нет числа новым, sensationным «версиям» библейских историй... Но всё это уже не имеет отношения к Библии.

Более того, в наше время автор создает некую конечную версию произведения, относит ее в типографию (или вывешивает в интернете) – это и можно считать окончательным вариантом авторского текста. А если печатного станка вовсе нет? А.А. Ахматова написала в свое время поэму «Реквием», которая просто не могла быть напечатана в Советском Союзе. До нас дошло несколько рукописных вариантов, созданных самой Ахматовой... и они не вполне одинаковы! Со временем она что-то меняла в собственном тексте – какой вариант считать самым правильным? Разумеется, каждый из них – авторский. Вполне вероятно, что подобное могло происходить и в древности: разночтения могли возникать не только в процессе переписывания, но и на стадии сочинения этих текстов. Конечно, как и в случае с ахматовскими стихами, это касается второстепенных деталей.

В рукописях Ветхого Завета, который, в отличие от Нового, писался на протяжении примерно тысячелетия, расхождений особенно много. Об этом стоит рассказать подробнее.

Септуагинта и Масоретский текст

В середине III в. до н. э. царь Птолемей II Филадельф, правитель эллинистического Египта и собиратель редких манускриптов для знаменитой

Александрийской библиотеки, пожелал иметь в своем распоряжении греческий перевод еврейского Священного Писания. Возможно, он нуждался в адекватной версии Закона, по которому жила немалая часть его подданных (а в Александрии в то время была многочисленная еврейская община), а может, просто был заинтригован древним текстом. Как бы то ни было, еврейская община отнеслась к его приказу с энтузиазмом, ведь к тому времени евреи, рассеянные по Восточному Средиземноморью, говорили уже в основном на греческом, и им тоже нужен был понятный текст Священного Писания.

Как именно осуществлялся этот перевод, мы знаем неточно, в основном по более поздним рассказам, в которых история тесно переплелась с легендой. Говорят, что перевод осуществляли семьдесят или семьдесят два старца, специально пришедших для этого из Палестины в Египет. Потому число 70, по-латыни «септуагинта», и стало названием самого перевода, который по-русски иногда называют «Переводом семидесяти толковников».

Этим переводом широко пользовались в свое время и грекоязычные иудеи, и христиане. Так, апостолы, писавшие на греческом языке, обращались не к древнееврейскому тексту, а именно к *Септуагинте*. Ссылаясь на Писание, они имели в виду именно ее, и в последующие века она оставалась для восточной части христианского мира основным, самым авторитетным текстом Ветхого Завета. С нее делались новые переводы, например славянский.

Вероятно, именно из-за этой популярности Септуагинты среди христиан иудеи вовсе отказались от ее использования и выбрали другой, более распространенный вариант древнееврейского текста, позднее названный *Масоретским* (от евр. «масорет» – «передача, предание»). В новое время, когда Библия начала активно переводиться на современные языки, именно к этому тексту обратились западные христиане, в особенности протестанты, в среде которых Септуагинта никогда не имела широкого распространения. Но в Православной Церкви она была и остается основным традиционным текстом Ветхого Завета. Впрочем, сегодня интерес к Септуагинте возрастает и на Западе. Она – не просто памятник древности, но и ценный источник, из которого мы узнаем об истории библейских текстов и о разных их толкованиях.

Впрочем, когда в середине XX в. около Мертвого моря были найдены свитки из собрания Кумранской общины, пролежавшие в пещерах 19 столетий, оказалось, что даже во времена Иисуса и апостолов единого варианта Писания у евреев просто не существовало. Одни рукописи легли в основу Септуагинты (до нас они не дошли), другие – в основу Масоретского текста, и таких было, надо отметить, намного больше. Существовали и другие варианты текста, например Самаритянское Пятикнижие – священный текст тех самых самаритян, о которых мы читаем в Новом Завете. Но он не получил большого распространения нигде за пределами этой общины.

Септуагинта несколько объемнее Масоретского текста: она включает книги, которые называют неканоническими или второканоническими. К тому же греческий текст книги Есфирь примерно на треть длиннее еврейского; кстати, в еврейском варианте Есфирь – единственная книга Библии, где отсутствует слово «Бог». Немало различий мы найдем и на уровне истолкования. Самый известный пример – пророчество Исаяи (7:14): «се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил». Там, где мы видим слово «Дева», в еврейском тексте стоит слово *альма*, обозначающее просто молодую женщину, обычно незамужнюю. Но переводчики Септуагинты употребили здесь слово *партенос*, «дева», и потому евангелист Матфей (1:23) смог сослаться на это пророчество, говоря о девственном рождении Христа (к этому мы вернемся в 30-й главе).

Древнее предание гласит, что переводчику, который поставил в текст это слово по внушению Святого Духа, было обещано, что он не умрет, пока не увидит своими глазами, как сбудется это пророчество, и что именно он и был старцем Симеоном, принявшим на руки младенца Иисуса (Лк 2: 25 и далее). Современный человек может скептически относиться к этому преданию, но несомненно, что еще задолго до написания Нового Завета слова пророка Исайи понимались как весть о грядущем чудесном рождении необыкновенного младенца.

Трудно сказать, насколько достоверно это предание. Но оно совершенно точно отражает тот факт, что уже в иудаизме ветхозаветные пророчества понимались как указание на особые события, которым только предстояло произойти, и это понимание нашло свое отражение в тексте Септуагинты. Сегодня иногда можно услышать, что иудеи «испортили» Масоретский текст в данном месте или, наоборот, что это сделали с Септуагинтой христиане. Такие упреки едва ли справедливы, но верно другое: разные религиозные традиции избирают для себя те из существующих вариантов текста, которые соответствуют их вероучению.

Новозаветные вариации

Новому Завету повезло больше, чем Ветхому. Он писался в ту эпоху, когда книги могли довольно быстро и широко расходиться по всей Римской империи, а потому нам сравнительно легко проследить его раннюю историю. Но и он не свободен от рукописных разночтений. Самое существенное мы встречаем в конце Евангелия от Марка. Многие древние рукописи внезапно обрываются на 8-м стихе 16-й главы: «... (жены-мироносицы) никому ничего не сказали, потому что боялись». В других содержится краткая концовка: «... но возвестили вскоре всё им объявленное тем, кто был с Петром. После чего и Сам Иисус от востока и до запада распространил через них священную и нетленную проповедь вечного спасения. Аминь».

Возможно, рукопись самого апостола Марка действительно оборвалась на середине фразы (рукописи, к сожалению, не только горят, но и тонут, и просто теряются, особенно их последние листы), а его друзья или ученики дописали за него заключительные фразы. И в этом нет ничего ни странного, ни скандального. Ведь Библия стала Библией не потому, что ее написали лично апостолы, а прежде всего потому, что ее признала своим Священным Писанием община верующих – Церковь, которая и донесла ее до нас.

Однако подавляющее большинство разночтений касается буквально одного-двух слов или их порядка. Часто речь идет об орфографических особенностях, особенно в именах собственных. Иногда всего одна буква меняет строй предложения. Например, в 1-м Послании апостола Павла к Фессалоникийцам одно и то же слово в разных рукописях выглядит как ННПЮИ или НПЮИ (в древности писали именно такими буквами, которые мы сегодня называем заглавными). Если выбрать первый вариант, то смысл всей фразы будет таким: «(мы) были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими». А если второй, то таким: «(мы) были среди вас как младенцы. И как кормилица нежно обходится с детьми своими...» Впрочем, как нетрудно убедиться, общий смысл текста от этого не сильно меняется. В самом деле, все подобные разночтения, даже самые большие, не затрагивают суть христианской веры.

Наконец, расхождения возникают еще и между *переводами*, ведь всякий сложный текст может быть понят и переведен на другой язык не единственным способом. Это уже отдельный разговор, и мы к нему вернемся в главах с 16-й по 19-ю, а пока отметим лишь вот что: разные переводы могут брать за основу разные варианты оригинального текста. Например, различия между церковнославянской и Синодальной Библией чаще всего объясняются расхождением между Септуагинтой и Масоретским текстом, а различия между Синодальным Новым Заветом и западными переводами – расхождениями между разными новозаветными рукописями.

В любом случае наше понимание библейского Откровения в огромной степени зависит не только от самого текста, но и от нашей веры и убеждений, от представлений того общества или той общины, к которой мы принадлежим. Впрочем, это касается не только Библии...

Разные взгляды на единый Лик

Но что сказать о тех случаях, когда противоречат друг другу не отдельные рукописи или переводы, а разные книги в одном и том же переводе, а порой – и разные места одной и той же книги? Мы видим это с самого начала книги Бытия. Это повествование ведется на образном, поэтическом языке, который во все времена прекрасно понимают дети и влюбленные. В этом рассказе упомянуто и сотворение человека, мужчины и женщины, после всех живых существ, но подробно о первых людях не говорится. Упомянуто только одно принципиальное явление: мужчина и женщина сотворены вместе, одновременно (Быт 1:27).

Зато вторая глава показывает сотворение человека уже крупным планом: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою... И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку... но для человека не нашлось помощника, подобного ему» (Быт 2:7—20). Что же, получается, сначала был сотворен мужчина, потом уже все животные и птицы, а потом женщина? С точки зрения многих современных ученых, здесь перед нами – две версии предания о сотворении мира, существовавшие когда-то самостоятельно и лишь позднее объединенные в едином тексте книги Бытия.

Но неужели тот, кто писал этот текст, был настолько глуп и невнимателен, что не заметил этого противоречия? Да нет, конечно. Видимо, он считал его не противоречием, а двумя взглядами, раскрывающими разные стороны одних и тех же явлений. Первая глава показывает единство мужчины и женщины, их достоинство как «венца творения». Вторая глава подчеркивает столь важное для патриархальных обществ первенство мужчины, но вместе с тем – нужду каждого человека в *другом, подобном ему*, чему и служит разделение полов. Первая глава выстроена по хронологическому, вторая – по логическому принципу.

Таких примеров в Библии очень много. Самый известный – четыре Евангелия, то есть четыре книги, рассказывающие, каждая по-своему, одну и ту же историю. В главном они совершенно согласны, но детали повествования могут различаться. Так, о благоразумном разбойнике, который на кресте просил Христа: «помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» – рассказывает один Лука (23:40–43), а Матфей (27:44) и Марк (15:32) кратко сообщают, что «распятые с Ним поносили Его». Противоречие? Да. Но означает оно только то, что два евангелиста просто ничего не знали об этом разбойнике, а Лука, который, как он сам писал, «тщательно исследовал всё» (Лк 1:3), добрался и до этой важной детали.

На самом деле это только подтверждает достоверность Евангелий как исторических свидетельств. Ведь если в суде четыре свидетеля слово в слово повторяют одну и ту же версию, скорее всего, они просто сговорились: четыре человека не могли запомнить одно и то же событие совершенно одинаково. А если каждый рассказ отличается от других какими-то деталями, но совпадает с ними в главном, значит, это действительно правда.

Конечно, и в древности у христиан возникало желание свести все четыре Евангелия в одно, чтобы ничего не упустить. В середине II в. некто Татиан даже составил такую «сводную версию», соединив параллельные повествования. Это, кстати, отлично доказывает, что к тому времени каноническими признавались именно эти четыре Евангелия и никакие другие. Его версия получила название «Диатессарон» (от греческого *диатессарон* – буквально «по четырем»), но Церковью она была отвергнута. Как и при составлении окончательного текста книги Бытия, было решено сохранить всё многообразие голосов, чтобы каждый мог услышать то, что ему сейчас ближе и нужнее.

Может, было бы лучше, если бы Ангелы принесли людям некий готовый, совершенно безупречный текст? Но Библия – это Откровение, которое раскрывается в истории избранного

народа, Церкви, всего человечества. Раскрывается оно и в истории отдельных людей. Это не взгляд на Бога и человека из холодного космоса, а рассказ о них, созданный живыми людьми для живых людей. Он несет на себе отпечаток личности тех, кто создавал этот рассказ, и тех, кто донес его до нас, и мы сами воспринимаем его по-разному, в зависимости от наших личных особенностей и нашего опыта.

Вот отсюда, в конечном счете, и все разночтения.

8. Противоречит ли Библия современной науке?

«Библия противоречит современной науке, грамотный человек не может относиться к ней серьезно, этот сборник древних мифов давно устарел», – такие суждения постоянно звучат на протяжении последней пары сотен лет. Другие люди, напротив, говорят, что Библия полностью соответствует всем научным данным: например, излагает в своеобразной манере историю возникновения звезд и планет, нужно только правильно ее читать. Кто же прав и насколько Библия на самом деле соответствует научным данным?

Наука и чудо

Мы живем в эпоху диктатуры науки. «Ученые доказали, что...» или «в результате исследований выяснилось» – такими заголовками пестрит пресса, и, приглядевшись внимательнее, мы обнаружим, что значительная часть подобных утверждений на самом деле связана не столько с наукой, сколько с откровенной рекламой.

И те, кому сегодня за 20, родились в стране «научного коммунизма». Весь общественный строй, основанный на вере в несколько марксистско-ленинских догм и в их текущую партийную интерпретацию, объявлялся строго научным, доказанным и потому прогрессивным и неоспоримым. На практике, как мы убедились, это была идеология, которая старательно игнорировала множество неудобных для нее фактов, отчего в конечном счете и потерпела поражение. По сути дела, даже не идеология, а своеобразная атеистическая религия.

Далеко не всё, что называется «наукой», является ей на самом деле. Наука по определению вещь спорная и переменчивая: на смену стройной механике Ньютона пришли теория относительности и квантовая физика, которые в корне пересмотрели картину мира. Ученые вечно спорят друг с другом и опровергают предшественников, никто не может быть уверен, что через сто или тысячу лет не появятся новые теории и модели, которые перевернут наши нынешние представления, кажущиеся незыблемыми.

Можно ли ожидать, что Библия будет полностью соответствовать естественно-научной картине мира, принятой в двадцать первом веке (при том, что по многим вопросам ученые и сегодня далеки от единства мнений)? Но тогда почему не картине мира I в., или XI, или XXXI – ведь все они очень непохожи друг на друга? Но Библия писалась не для конкретного учебного курса по физике или биологии (тогда бы она безнадежно устарела уже через одно поколение), она говорит о совершенно других вещах.

И эти вещи, как правило, не входят в компетенцию науки. Возьмем самое яркое, что только приводится в качестве примера несоответствий – а именно, чудо. Но оно на то и чудо, чтобы нарушать законы природы. «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша», – говорит апостол Павел (1 Кор 15:14). Но в истории науки постоянно уточнялись и пересматривались многие формулы, теории, даже фактические данные, в том числе и самые базовые, и всё это только служило развитию науки. Никто никогда не говорил: «Если теплорода нет, тщетна вся физика ваша» – вместо теплорода (вещества, якобы являющегося носителем тепла) находились другие объяснения.

Мертвые не воскресают – это доказано научно. Но именно этот факт позволяет нам говорить о Воскресении Христовом как о чуде, то есть о нарушении обычных законов природы. Если они никогда и нигде не нарушаются в принципе, если чудес не бывает – вера во Всемогущего и Всеблаготворного Бога действительно тщетна, Он тогда просто не может ни во что вмешаться, от Его существования ничего в этом мире не меняется (а о других мирах наука нам ничего в принципе сказать не может).

Так что никакого противоречия тут нет: наука исследует законы природы, вера провозглашает, что они могут быть нарушены волей Творца. Но при этом вера не должна посягать на сами законы, а наука не должна объявлять свои нынешние объяснения конечными и всеобъемлющими. В конце концов, в любой научной картине мира остается множество необъясненных фактов, и всё, что связано с чудом, может быть отнесено ученым именно к этой области.

Прекрасный пример здесь – Туринская плащаница. Ученые провели множество исследований, и в результате, грубо говоря, возникло две теории. Первая: ее создал некий средневековый фальсификатор, обладавший уникальными знаниями об анатомии человеческого тела и способе казни через распятие. Вторая: в эту плащаницу было завернуто тело человека, казненного на кресте в Палестине в I в., после чего это тело неизвестным науке образом изменилось,

внезапно и одновременно воздействуя на ткань световым излучением огромной мощности. Второе объяснение представляется мне более убедительным и логичным, но... и оно не дает нам никаких научных данных о том, кем был казненный и что именно произошло с его телом после смерти. Если я говорю, что это был Христос и что Он воскрес, я говорю с позиций веры, а не с позиций науки. И когда кто-то говорит, что плащаница – средневековая подделка, это тоже вера, только вера в иное.

Язык описания и мировоззрение

Данным науки откровенно противоречит многое, например поэзия. Она привыкла говорить о любящем сердце, тогда как любой физиолог точно знает, что любовь есть результат биохимических реакций в коре головного мозга и сердце тут совершенно ни при чем. Оно всего лишь мышца, создающая в теле кровотоки, не более того. Но мы почему-то никогда не говорим о сердце как о мышце.

Ведь поэтическая, а точнее метафорическая, речь свойственна даже нашему повседневному общению. Как уже было сказано во 2-й главе, мы привычно говорим о небесных светилах так, будто земля есть плоскость, вокруг которой они и вращаются: солнце у нас восходит и прячется за горизонт, поднимается летом выше и греет жарче, луна растёт или идет на убыль и т. д. Просто так удобнее говорить. Впрочем, и для новых явлений мы тоже зачастую изобретаем упрощенный язык: электричество у нас бежит по проводам, бьет неосторожного электрика, заканчивается в разряженной батарееке и т. д. Мы описываем множество разнообразных явлений как поведение некоего живого существа под именем «электричество», нам так удобнее. А уж как иногда разговаривают люди (особенно девушки) о своих автомобилях или непосредственно с ними! Можно и впрямь подумать, будто они видят перед собой не механизм, а живое существо, обладающее сознанием, характером и привычками.

На самом деле это общее свойство человека – говорить об окружающем мире и даже об умозрительных понятиях языком метафор. Вот и в Библии мы читаем про руки, ноги, глаза, уши и даже нос Бога, но никто из библейских авторов, конечно, не подразумевал, что Бог обладает такими же частями тела, что и мы. Так удобно описывать Его действия в этом мире. И многое из того, что мы читаем об окружающем мире, можно воспринимать как подобное поэтическое описание: земля в Библии представлена как плоскость, стоящая на неких основаниях, накрытая куполом неба и т. д. Люди той поры, когда создавалась Библия, примерно так и представляли себе мироздание, сегодня мы знаем, что на буквальном уровне это неверно, но мы вполне можем принять эти описания как метафоры, ведь Библия повествует не о форме планеты Земля, а о ее Создателе и Его замысле.

Да, люди того времени представляли себе мир не так, как видим его мы, а мы, в свою очередь, – не так, как будут описывать его через две или три тысячи лет, если человечество, конечно, доживет до этого срока. Земные авторы библейских книг, судя по всему, считали Землю плоскостью, вокруг которой вращаются светила. И что? Если нас не смущает отсутствие у них электричества или анестезии, то почему должно смущать отсутствие современной науки? Библейские книги были созданы в определенное время и определенной среде и соответствуют картине мира тех людей, которые их написали.

А как это было на самом деле?

Но есть и более сложные случаи. В Библии рассказывается о некоторых событиях, которые трудно согласовать с данными естественных наук (об исторической науке мы поговорим отдельно, в следующей главе). Но, как мы уже выяснили, Библия не задумывалась как учебник по естественным наукам. Более того, в те времена, когда она писалась, естественных наук просто еще не существовало, люди не были знакомы с той строгостью научных суждений, которая стала возможной сегодня.

Например, Библия повествует о всемирном потопе (который тоже был своего рода чудом). Действительно, подобные рассказы мы находим у многих народов древности, но геологи категорически не согласны: не было такого, чтобы на памяти человечества вся территория земного шара была бы покрыта водой. Кроме того, невозможно представить, чтобы Ной мог взять с собой на ковчег абсолютно всех представителей животного мира, живущих на суше: для этого ему пришлось бы совершить экспедицию по всем континентам, собрать миллионы видов, а затем разместить их на ковчеге, а заодно и пропитание для всех них.

Я не знаю, как лучше всего объяснить это недоумение, но наиболее убедительным мне представляется такой вариант. На самом деле выражение «всемирный потоп» может быть преувеличением. Человек тех времен знал лишь ближний круг земель. Например, когда много позже случилась локальная катастрофа и погибли города Содом и Гоморра, то бежавшие из Содома дочери Лота решили, будто погибло всё человечество, кроме их семьи (Быт 19:31). Их мир был достаточно маленьким, он не превосходил границы их родной округи, и ее гибель казалась всемирной катастрофой. Можно представить себе, что и тот, кто сложил повествование о всемирном потопе, не проверял (да и не мог проверить), действительно ли вода покрыла вершины всех гор на всех континентах, – для него было достаточно, что она покрыла всю знакомую ему землю.

Вообще, слова «весь» и «все» часто употребляются в значении «много». Это происходит так в нашей повседневной речи («все деньги тратит на выпивку»), и в Библии. Например, книга Исход описывает, как от моровой язвы «вымер весь скот Египетский» (9:6), а потом оказывается, что все-таки не буквально весь: на том же самом скоте появляется воспаление (9:10), затем скот гибнет еще и от града (9:25), и, наконец, погибает «всё первородное от скота» (11:5). Может быть, и всемирный потоп ограничивался некоей большой территорией, но не затронул всего мира в буквальном смысле слова? Тем более что среди потомков Ноя мы найдем только людей, считавшихся предками народов Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья – вот и «весь мир» библейских авторов. Ни Америка, ни Австралия, ни дальние регионы Азии, Африки и Европы просто не были им известны.

Ну а спор об эволюции, наверное, слишком всем известен, чтобы говорить о нем подробнее. Библия ясно утверждает, что Бог сотворил этот мир и все живые существа в нем, но как именно Он это делал, не уточняет. Может быть, эволюция как раз и была одним из инструментов творения? Сама эволюционная теория не раз уточнялась и отчасти пересматривалась, на некоторые вопросы она по-прежнему не дает удовлетворительного ответа (например, как возникло живое из неживого) – кто знает, какая судьба ждет ее в науке третьего тысячелетия. Но пусть о теории эволюции спорят биологи, а библеистам и богословам она ничуть не мешает и не помогает.

Уже более века прошло с тех времен, когда книгу Ч. Дарвина об эволюции пыталась в России запретить цензура, и А.К. Толстой откликнулся на эти споры замечательным стихотворением:

Способ, как творил Создатель,

Что считал он более кстати —
Знать не может председатель
Комитета по печати.

Точнее не скажешь. Впрочем, с таким подходом согласятся не все читатели Библии. Для некоторых любое слово Библии есть истина в буквальном смысле слова – прежде всего это фундаменталисты, о которых уже говорилось во 2-й главе. Если говорится, что Бог создал мир за шесть дней, значит, надо понимать этот срок как шесть промежутков по 24 часа. А если геологи и палеонтологи утверждают, что, по данным их наук, от возникновения планеты Земля до появления человека прошли миллиарды лет, то, значит, они ошибаются: мир уже был сотворен «старым», со всеми этими геологическими слоями и ископаемыми костями в их толще. Мне лично трудно поверить, что Бог играл с нами в прятки...

Насколько убедительны те или иные научные теории относительно планеты Земля и дальнего космоса, относительно происхождения жизни и разума – это решать ученым, а Библия рассказывает нам о Творце и Его замысле. Ее повествование соприкасается с миром современной науки, но не вторгается в него напрямую – и от ученых нам будет разумно ожидать такого же деликатного отношения.

9. Достоверна ли Библия как исторический источник?

Люди нередко спрашивают: насколько достоверна Библия с точки зрения историка? Действительно ли все описанные в ней события происходили именно так, как там сказано, или что-то было иначе? И как тогда всё случилось на самом деле? Интерес порождает спрос на сенсацию, а спрос рождает предложение: то и дело появляются скандальные «подлинные версии» тех или иных библейских сюжетов вроде «Кода да Винчи»... Так точна Библия или нет?

Объективность источника?

История – это тоже наука, только гуманитарная, поэтому, рассуждая об отношении Библии к исторической науке, можно было бы повторить многое из сказанного в прошлой главе. Прежде всего, это рассуждения о том, что авторы Библии были людьми своего времени, разделяли его представления и говорили на его языке. Рассуждая об историчности Библии, сначала надо определиться с понятиями. В книжных магазинах все больше появляется книг, которые называются библиями – например, «библия японского переводчика». Это справочники: в таких «библиях» изложены с максимальной точностью и полнотой все факты, имеющие отношение к данной области знания. Так вот, с этой точки зрения Библия вовсе не является «библией», то есть полным и точным справочником по истории Ближнего Востока, точно так же, как она не является справочником по астрофизике или геологии. Тогда просто не было таких учебников и любой текст отражал не просто факты, а определенную точку зрения на них, да и сами факты подбирались так, чтобы прежде всего выразить позицию автора.

В этом отношении Библия совершенно не отличается от любых других исторических повествований древности. Впрочем, много ли независимых источников сейчас? Мне довелось в разгар экономического кризиса 2008 г. беседовать с жителями Украины, которые смотрели российские телеканалы. У них сложилось твердое ощущение, что Россию, в отличие от Украины, кризис совершенно не затронул, у нас всё в полном порядке. С другой стороны, если судить по тем же телеканалам о положении на Украине, можно было сделать вывод, что там скоро начнутся голод и гражданская война. Вот что значит умелый подбор фактов и их освещение «в правильном ключе».

Сегодня, впрочем, у нас есть множество альтернативных источников информации, которые мы можем сравнивать меж собой и самостоятельно делать выводы: пусть все они субъективны, но вместе они дают объемную картину. Но от библейских времен таких источников дошло крайне мало. У нас есть, например, знаменитый «Моавитский камень», на котором Меша, царь Моава, изложил свою историю войн с Израилем – разумеется, он повествует о своих славных победах. А Библия в основном (хотя не исключительно) говорит о победах Израиля над Моавом. Значит ли, что один из этих источников лжет? Нет, но оба избирательны, оба говорят лишь о том, что считают характерным и важным: о победах своего народа.

Вот почему, например, до нас не дошло никаких египетских рассказов об Исходе евреев из Египта – но могли ли они вообще существовать? Фараон для египтян был по определению победителем азиатских варваров, и, что бы ни произошло с ним в военном походе, любой египетский источник изображал его победителем... или просто умалчивал о случившемся. А ведь для кого-то сам тот факт, что египетские памятники молчат об Исходе, служит доказательством недостоверности самого Исхода.

Археология как критерий подлинности?

Если тексты необъективны, то некоторые вещи можно проверить с помощью археологических находок, но и они тоже нуждаются в интерпретации. Допустим, найден каменный топор или глиняный черепок – но кому принадлежали эти предметы, что происходило с этими людьми, на каком языке они говорили, как называли свой народ? Ничего этого топор и черепок нам сами по себе не расскажут. Да и не всегда можно их найти: ну какие, к примеру, могли остаться археологические свидетельства Исхода израильтян из Египта? Некоторое количество человек переселилось из одной страны в другую, по дороге они не строили городов, не рыли каналов, и любые следы их путешествия давно уж затерялись среди прочих следов кочевников на Синае. И если египетский фараон со своим войском утонул на дне моря, то от него тоже ничего не сохранилось. Так что история Исхода не может быть ни подтверждена, ни опровергнута археологами.

Верующие историки и археологи в свое время приложили немало усилий для того, чтобы подтвердить своими находками библейские тексты. Отчасти им это удалось, например, были найдены следы планового строительства, датированного примерно временем правления царя Соломона. Но это доказывает лишь одно: в это время и в этом месте существовало централизованное государство. Кто правил им и верны ли рассказы о его жизни – об этом археология молчит.

В современной исторической науке появилось гиперкритическое направление – *минимализм*. Его сторонники полагают, что те библейские истории, которые не подтверждены однозначно археологическими находками или независимыми письменными источниками, следует считать выдумкой. Последовательно отвергнув все древние повествования, минималисты пришли к выводу, что никакой истории Израиля до вавилонского плена не было совсем, а при персах на территорию Палестины переселились люди разного происхождения. Им нужно было создать для себя какое-нибудь общее прошлое, вот они и выдумали истории про древних героев... Посмотрите на Иерусалим, говорят минималисты, там же не осталось от допленных времен ничего, кроме нескольких захоронений и подземного водопровода царя Езекии (о нем, кстати, упоминает 4 Цар 20:20). Но, с другой стороны, а что еще могло остаться от города, который несколько раз был разрушен до основания, и затем его территория была заново застроена? Только подземные сооружения, которые как раз и сохранились.

Что касается Нового Завета, то самое главное в нем – истории о людях. Можно ли доказать истинность евангельских историй? Вроде бы ничто в них не противоречит имеющимся у нас историческим фактам. Но ничто и не подтверждается ими. Возьмем, скажем, такое заметное событие, как убийство вифлеемских младенцев. Казалось бы, злодеяние такого уровня должно было оставить след в памяти людей того времени, однако никто из древних историков его не упоминает. Но если учесть, что Вифлеем был совсем небольшим селением, а жестокостями царя Ирода, да и вообще массовыми убийствами в ту пору никого нельзя было удивить, то не стоит удивляться, что трагедия Вифлеема просто не была замечена за множеством бурных и не менее кровавых событий, происходивших в больших городах. Тот же Ирод приговорил в разное время к казни по одним лишь подозрениям собственную любимую жену и двух сыновей, а за несколько дней до смерти велел собрать в цирке всю иудейскую знать и поголовно ее перебить – правда, это его завещание так и не было исполнено. На этом фоне резня в маленьком городке могла просто затеряться среди других таких же событий.

Пожалуй, единственной надежной привязкой остается астрономия. Звезда Рождества – может быть, это вспышка сверхновой, яркая и совершенно неожиданная? Сейчас мы не будем рассуждать, когда конкретно и какая звезда вспыхнула тогда на небосводе, и действительно ли она указывала волхвам направление от Иерусалима к Вифлеему (у астрономов есть свои

предположения), но самое главное, что это в любом случае история о чуде, а чудо, как мы уже говорили в прошлой главе, невозможно объяснить с помощью естественно-научных данных.

Иными словами, согласование объективных научных данных и библейских повествований – это всегда проблема. И это касается не только Библии, но и любых других древних текстов. Например, по находкам археологов мы знаем, что город Троя действительно существовал, что в определенный момент времени он был захвачен врагами – но как узнать, была ли то Троянская война, кто и с кем ее вел и по какой причине? Насколько историчен Гомер? Других письменных источников по этой войне у нас нет, в отличие, скажем, от войн Александра Македонского или Наполеона.

В то же время объективным историкам приходится признать, что библейские книги – это ничуть не менее достоверный источник по истории своего времени, нежели любые другие дошедшие до нас тексты древнего Ближнего Востока. Проверить, точны ли они в деталях, мы просто не можем, а насколько они верны в главном – в описании отношений Бога и человека, – на этот вопрос отвечает вера, а не наука.

Пробелы и несовпадения

Другая часть проблемы заключается в том, что иногда Библия не согласуется сама с собой. Во-первых, существуют расхождения между различными библейскими книгами: например, Матфей (1:1 – 17) и Лука (3:23–38) приводят не совсем одинаковые родословия Христа, данные переписи Давида различаются в книгах Царств и Паралипоменон (4 Цар 24:9 и 1 Пар 21:5). В Евангелии от Марка (2:26) Христос, рассказывая об одном эпизоде из жизни Давида, называет тогдашнего первосвященника Авиафаром, тогда как в 21-й главе 1-й книги Царств его имя – Ахимелех, тогда как Авиафар пришел ему на смену.

Кроме того, встречаются расхождения между библейским текстом и данными современной исторической науки. Это совсем не то же самое, что и расхождения с естественными науками, ведь естественные науки говорят нам о том, как вообще могут происходить определенные события в этом мире, а вот история утверждает, что именно происходило в данный конкретный момент времени. Это уже другая, более высокая степень точности. Например, книга Даниила называет вавилонского царя Навуходоносора отцом другого царя, Валтасара (5:11), тогда как по вавилонским источникам мы точно знаем, что его отцом и непосредственным предшественником на троне был Набонид, а Навуходоносор II был более дальним предшественником и непрямым родственником Валтасара.

Как быть с этими расхождениями? В 7-й главе уже говорилось, что библейские книги дошли до нас в копиях с копий, и нет ничего удивительного в том, что в каких-то мелочах и частностях на разных стадиях создания и копирования книги вкрадывались мелкие неточности.

У нас есть очень любопытный пример такой несуразности. В 1-й книге Царств (13:1) Синодальный перевод гласит: «Год был по воцарении Саула, и другой год царствовал он над Израилем...» На самом деле такой перевод – это уход от сложной проблемы. Здесь автор употребил стандартную формулу: столько-то лет было царю в момент вступления на престол, и столько-то лет продолжалось его правление. Но, судя по всему, при переписывании из древнееврейского текста пропали десятки, остались только единицы, и в результате он звучит так: «В возрасте года Саул начал царствовать, и два года царствовал он над Израилем». Что же, царь Саул был крохотным малышом? Нет, конечно, это явная ошибка переписчика. Древнегреческие рукописи обычно просто пропускают этот стих, а современные переводчики высказывают догадки: «В возрасте тридцати одного года воцарился, и сорок два года царствовал над Израилем». Верны эти догадки или нет, мы точно не знаем, но это хороший пример случайного искажения текста при переписывании.

Кроме того, следует учесть, что человеческое знание ограничено, а память небезупречна. Так, автор книги Даниила мог и сам точно не знать, какие отношения связывали Навуходоносора и Валтасара, а Матфей и Лука могли пользоваться разными источниками, приводя родословие Христа. В этом нет ничего скандального, напротив – их человеческий голос, их индивидуальность очень важны для нас. Не случайно Церковь в свое время не приняла попытки составить из четырех отдельных Евангелий сводную версию (подробнее это обсуждалось в 7-й главе).

Впрочем, всегда возможны и другие объяснения. Например, автор книги Даниила мог называть Навуходоносора «отцом» Валтасара в том смысле, что он был его славным предком и предшественником на троне. В случае с родословиями могло случиться так, что один из евангелистов приводил имена биологических предков Иисуса, а другой – предков «социальных», по обычаю *левиатного* брака (в 24-й и 35-й главах мы к этому обычаю вернемся и рассмотрим его в деталях).

Проблема чисел

Больше всего подобных разногласий мы находим там, где приводятся цифры. Например, в 24-й главе 2-й книги Царств и в 21-й главе 1-й книги Паралипоменон упоминается одна и та же перепись, которую устроил царь Давид. Сравним результаты: «израильтян было восемьсот тысяч мужей сильных, способных к войне, а иудеев пятьсот тысяч», и «было всех израильтян тысяча тысяч, и сто тысяч мужей, обнажающих меч, и иудеев – четыреста семьдесят тысяч, обнажающих меч». Цифры явно различаются. Точно так же различаются иногда цифры в одном и том же стихе в разных рукописях, и в результате 5-я глава книги Бытия в русском Синодальном переводе выглядит довольно странно: «Адам жил сто тридцать [230] лет и родил сына по подобию своему и по образу своему, и нарек ему имя: Сиф. Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот [700] лет». Просто еврейский и греческий тексты Библии здесь дают разные цифры, и у нас нет никакой возможности проверить, какая из двух цифр точней. К тому же все они кажутся нам слишком большими...

Вообще, счет времени в древности не всегда был таким, как сейчас. Например, мы знаем, что Христос провел в могиле «три дня и три ночи», и это связывается со знамением пророка Ионы. Но погребен Он был вечером в пятницу и воскрес в ночь на воскресенье – это даже меньше двух суток! Дело в том, что на древнем Ближнем Востоке время отсчитывали целыми днями (месяцами, годами): событие, начавшееся в пятницу, продолжавшееся в субботу и закончившееся в воскресенье, занимало «три дня и три ночи». Возможно, и здесь при подсчете что-то было учтено не так, как привыкли это делать мы.

Но в любом случае 130 лет не равны 230 годам, а 800 000 воинов – не то же, что 1 100 000. Здесь, конечно, при переписывании в текст проникли какие-то искажения, и мы просто не знаем, какие именно числа стояли в самой древней рукописи. Но если искажениям оказались подвержены именно эти цифры, то, может быть, не вполне точны и какие-то другие?

По-видимому, так объясняются некоторые неправдоподобно большие числа в Ветхом Завете. Возьмем, к примеру, битву при Гиве Вениаминовой, описанную в 20-й главе книги Судей. Это была, по сути, маленькая гражданская война: израильтяне напали на городок племени Вениамина. Библия сообщает, что войско израильтян насчитывало 400 000 воинов, из них в первый день погибли 22 000, а во второй – 18 000. Для сравнения: в Бородинской битве и русская, и французская армии насчитывали менее 150 000 воинов; под Аустерлицем и Ватерлоо в бой с каждой стороны вступило менее 100 000. Можно ли всерьез полагать, что небольшой городок в Палестине стал полем величайшего сражения во всей мировой истории вплоть до Вердена или даже Сталинграда?

Похоже, тут в библейском тексте появились лишние нули. Одна из гипотез гласит, что слово «тысяча» (на древнееврейском языке *элеф*) перепутали с некоторым другим словом, которое обозначало вооруженного воина (ср. слово *аллуф* «предводитель», которое пишется почти так же). Тогда войско израильтян насчитывало всего 400 воинов, а на стороне Гивы сражались 26 таких воинов, и отдельно 700 ополченцев из местных жителей. Это уже звучит вполне реалистично, но, к сожалению, далеко не для всех больших чисел можно предложить такое объяснение.

Зато у некоторых из них явно есть символическое значение. В конце концов, приверженность точным цифрам – особенность именно нашего века, в древности всё было иначе – в числе видели символ, а не точный факт. Мы знаем, например, что от одиннадцати сыновей Иакова произошло по одному колену (т. е. племени) израильтян, а от Иосифа – сразу два, Ефрем и Манассия. Казалось бы, всего колен получилось тринадцать. Но всюду в Библии мы прочтем о двенадцати коленах Израилевых, потому что символически это число обозначает полноту Божиего народа. Отсюда же двенадцать апостолов, сто сорок четыре (это двенадцать в квад-

рате) тысячи «запечатленных» в Откровении Иоанна Богослова (7:4 и 14:1), и даже описание Небесного Иерусалима в 21-й главе той же книги изобилует цифрами двенадцать и сто сорок четыре.

Вернемся к огромным срокам жизни первых людей. Так, Адам прожил почти тысячелетие, 930 лет. Его сын Сиф прожил 912, внук Енос – 905 лет, и так далее. Цифры постепенно уменьшаются, и Ламех, последний перед Ноем, не прожил и 800 лет. Впрочем, не обходится без исключений, самый знаменитый долгожитель – конечно, Мафусал, или Мафусаил, с его 969 годами. Что же могут означать эти цифры? Изгнанное из Эдема человечество стало смертным, но отсвет райского сада еще остается на нем, и оно живет невероятно долгий срок, но всё же по мере удаления от Эдема этот срок уменьшается. Наконец, развращенность человечества приводит Господа к такому решению: «не вечно Духу моему быть пренебрегаемым человеками сими, потому что они плоть; пусть будут дни их 120 лет» (Быт 6:3).

У нас нет абсолютно никаких способов проверить, действительно ли все эти люди прожили именно такое количество лет. Более того, у нас нет и не может быть никаких объективных доказательств, что они вообще существовали. Но заложенная в повествовании весть о жизни человечества после грехопадения (в том числе выраженная и в цифрах) важнее хронологической точности.

Библия, как и любая другая древняя книга, не сообщает нам беспристрастные цифры и факты о древнем мире. Она рассказывает множество историй, но отбирает их как иллюстрации к той вести, которую сообщает человечеству. Как источник по истории древнего Ближнего Востока Библия нуждается во множестве уточнений и дополнений, но как глашатай истины о нашем спасении она остается самой точной книгой за всю историю человечества.

И даже если мы признаем, что тот или иной библейский автор или переписчик перепутал имена или цифры, в этом не будет ничего скандального. Мы верим, что Библия говорит нам истину о Боге, человеке, праведности, грехе, покаянии и спасении. А мелкие детали никоим образом не влияют на главное, чему она нас учит.

Подводя итог, можно сказать, что Библия и научные труды (в том числе по истории Ближнего Востока) говорят о разных вещах, разным языком, с разной целью, и потому невозможно требовать от них полного согласия. К тому же сегодняшнее «последнее слово науки» через сто лет будет выглядеть устаревшей и забытой теорией. Слово Божие предлагает человеку вечные истины, а пылливый человеческий ум в своем вечном поиске будет постоянно открывать новые горизонты научного знания.

10. Так говорит Библия – или ее толкователь?

«А в Библии написано, что...» – главный аргумент в разных богословских спорах. И ссылку обычно дают, о то и пальцем показывают: действительно, что-то такое написано. Или не совсем такое, но звучит похоже. Или не очень похоже, но... Стоп! А как определить, действительно ли библейский текст подтверждает именно то, что с его помощью пытаются доказать? Разве Библия недостаточно понятно сама по себе? А если понятно, откуда так много разных богословских школ, не согласных друг с другом?

«Ты читай, что написано!»

Есть анекдот про богослова, исследователя Посланий апостола Павла, который умер и попал в рай. Конечно, там он сразу пожелал встретиться с самим апостолом. И вот беседуют они за закрытой дверью час, другой... а потом выбегает апостол, держась за голову, и кричит: «Да не имел я этого в виду!» А за ним по пятам богослов: «Нет, ты читай, что в Библии написано!»

В самом деле, почему мы так уверены, что можем точно понять смысл библейского текста? В повседневной жизни мы то и дело переспрашиваем друг друга: «Что ты имел в виду?», «Ты на самом деле так думаешь или это шутка?» Но если даже в быту нам не всегда с первого раза удается достичь взаимопонимания, то тем более непросто бывает понять, что имели в виду авторы, жившие много веков назад и говорившие о довольно сложных вещах.

Так понятна ли Библия сама по себе? И да, и нет. С одной стороны, едва ли среди религиозных текстов мира отыщется столь же простой и ясный, как Евангелие. Всё самое главное в Библии сказано предельно ясно.

Но если человек начинает вчитываться, интересоваться подробностями и деталями, у него возникает множество вопросов, ответить на которые бывает непросто... В одном и том же Евангелии от Иоанна Христос говорит вещи, казалось бы, противоположные: «Я и Отец – одно» (10:30) и «Отец Мой более Меня» (14:28). Одно из этих выражений можно понять только через призму другого. Где же критерии выбора? Если истолковывать Библию исключительно изнутри самой Библии, то его нет: можно понять так, можно эдак. Но есть коллективный опыт прочтения Библии общиной верующих, которая этот текст сама и породила, – этот опыт мы называем Церковным Преданием. И оно подсказывает, что главное здесь: «Я и Отец – одно»; второе высказывание не отменяет первое, но говорит о добровольном подчинении Сына Отцу, о том, как Он умалился в воплощении.

Есть, разумеется, и другая трактовка. В древности ариане, а в наши дни свидетели Иеговы настаивают, что Христос вовсе не был равен Богу и что за основу надо брать слова «Отец Мой более Меня». Можно сказать, что у свидетелей Иеговы в данном случае сформировалось собственное предание, своя традиция толкования Библии.

Можно подумать, что проблема толкования касается только каких-то особо сложных мест, специальных терминов, но это далеко не так. Часто даже в простом повествовании нас ждут подводные камни, и старый добрый Синодальный перевод может нас подвести. Вот, например, как описывает он действия царя Давида после взятия столицы аммонитян Раввы (2 Цар 12:31): «А народ, бывший в городе, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими». Неужели царь Давид действительно, словно маньяк в припадке бешенства, подверг соседний народ столь жестокому уничтожению? В оригинале ничто однозначно не указывает на такое прочтение. Там сказано только, что Давид «поставил» этих людей к этим орудиям. Для мучительной казни? Возможно. Или все-таки для подневольного труда с пилами, топорами и у обжигательных печей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.